

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

Качества образцового гражданина в эллинистических надписях

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.01 «Филология»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
Образовательной программы
«Классическая, византийская и новогреческая
филология»
Профиль «История идей в античном мире»

очной формы обучения
Антонов Александр Александрович

Научный руководитель:
к.ф.н. Филимонов Е.Г.

Рецензент:
д.и.н. Габелко О.Л.

Санкт-Петербург

2018

Содержание.

Содержание	2
Введение.....	3
Глава I. Зарождение и развитие почётных декретов как жанра эпиграфики..	17
Глава II. Почётные декреты в честь политической и экономической элиты: образ эвергета в надписях	35
Глава III. Качества образцового гражданина и идеология эллинистического полиса	64
Глава IV. Почётные декреты в честь интеллектуальной элиты – качества образцового медика в эллинистических надписях острова Кос	90
Заключение	102
Список использованной литературы	107
Список сокращений	111

Введение.

Битва при Херонее в 338 г. до н.э. положила конец традиционному политическому укладу греческих полисов – вместе с поражением коалиции греческих государств пала и свобода Эллады, завершилась эпоха поздней классики, постепенно складывался новый мир, который Иоганном Дройзенем был назван эллинистическим. Новая эпоха принесла с собой новые порядки – на смену автаркии полисов пришло подчинение македонской монархии, в Афинах, бывших прежде оплотом демократии, была утверждена царями олигархия. Но это касается полисов Балканской Греции. Для эллинов в Малой Азии эти перемены, пришедшие вместе с войсками Александра Великого, наоборот, стали положительными – полисы Ионии и других регионов получили, по крайней мере формально, свободу, с которой македонские монархи в какой-то мере считались. Кроме того, власть царей-эллинов была по естественным причинам предпочтительнее для греков подчинению варварским царям. В любом случае, по обеим сторонам Эгеиды сложилась в целом похожая политическая обстановка – в тех полисах, которые не были захвачены тиранами, установились олигархические, или формально демократические (с преобладанием элиты в политической жизни) порядки. Во всяком случае, времена крайней демократии ушли безвозвратно – на смену активному участию народных масс в политической жизни пришёл порядок, в котором народное собрание играло роль статиста. Полисной жизнью стали заправлять наиболее богатые и знатные граждане, заседавшие в совете. Их значимость в эту эпоху засвидетельствована многочисленными почётными декретами, на которые обратил внимание ещё классик эллинистической историографии – У. Тарн¹. Как отмечает исследователь, такие благодетели предпочитали не платить полису (как обязательную

¹ Тарн В. Эллинистическая цивилизация/ пер. с англ. С.А. Лясковского. М, 1949. С. 114-115.

² Там же. С. 115.

литургию), а преподносить своё благодеяние как дар. Такое явление ещё называется в исторической литературе эвергетизмом, а благодетели – эвергетами. Эта терминология взята из почётных декретов, где благодетель именуется εὐεργέτης (OGIS 268, 6; МАМА VI 173, 4-5), а благодеяние – εὐεργεσία (OGIS 215 II, 27; I. Priene 108, 101). Благие дела богатых и знатных граждан указывались в почётных декретах, которые принимались народными собраниями полисов в качестве благодарности за помощь гражданскому коллективу. Но одними эвергетами дело не ограничивалось – Уильям Гарн вместе с декретами в честь полисной элиты отмечает изобилие декретов в честь врачей². Подробнее об этом будет рассказано в основной части работы. Здесь же следует отметить, что почётные декреты засвидетельствовали эту перемену – от классической демократии к эллинистической олигархии (или очень умеренной, консервативной демократии). И в этом кроется важная проблема – перемена государственного устройства, политической системы греческих полисов неизбежно должна была повлечь за собой и перемену в области идеологии и социальной психологии. От гражданина демократического полиса в V в. до н.э. требовалось проявлять совсем иные качества, нежели от эвергета в полисе с олигархическим устройством, да ещё и подчинённом монарху одной из македонских династий. Однако этот вопрос остался малоизученным в историографии. Изучение политической и общественной мысли эпохи эллинизма в основном сводилось к монархии, к образу царской власти. К теме же идеологии и социальной психологии подданных эллинистических царей до сих пор наблюдается слабый интерес. Из немногих работ на эту тему следует отметить «Идеологию и культуру сельского населения Малой Азии I-III вв.» Е.С. Голубцовой³. Несмотря на то, что работа посвящена сельской общине, её тема близка к теме идеологии и социальной психологии городских общин. Полисы же оказались в центре внимания другой советской исследовательницы – И.С. Свенцицкой, которая

² Там же. С. 115.

³ Голубцова Е.С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I-III вв. М, 1997.

в ряде статей обращалась к теме социальной жизни в эллинистических полисах⁴. Вопросы социальных отношений и психологии, идеологии граждан полисов и сельских жителей были не случайно затронуты советской историографией, которая традиционно уделяла большое внимание социальной истории античного мира.

Однако при всём значении работ советских исследователей они не были специально посвящены теме идеологии и политической мысли эллинистических полисов, социальной психологии их граждан. Так что можно констатировать слабую изученность этой части истории идей античной эпохи, в чём заключается актуальность изучения данной темы. Значимость этого направления исследования заключается также и в другом. Как заметил Кеннет Джеймс Довер в предисловии к своему труду «Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle», посвящённом древнегреческой общественной морали, – относительно IV в. до н.э. мы ничего не знаем о греческой философии за пределами Афин, и, если ориентироваться только на Платона и Аристотеля, можно впасть в заблуждение⁵. Это соображение, высказанное во введении книги, содержит идею, что моральные и этические представления древнегреческого общества отличались от теоретических построений философов. Этой идее и будет следовать данное исследование, одной из целей которого станет изучение тех качеств гражданина, которые ценились полисным коллективом в повседневной жизни, а не в философских школах. Как отмечает Артур Штайнвентер в статье про идею общественной пользы в античную эпоху,

⁴ Свенцицкая И.С. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М, 1963; Свенцицкая И.С. Гражданин и полис в эллинистических государствах // *Eirene*. 1967. №6; Свенцицкая И.С. Значение термина “свободный” в малоазийских надписях эллинистического времени // ВДИ. 1976. №1.; Свенцицкая И.С. Особенности гражданской общины на эллинистическом Ближнем Востоке // ВДИ. 1999. №3.

⁵ Dover K.J. *Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle*. Oxford, 1974. P. 2.

эпиграфические декреты показывают совсем другой подход, нежели философия, поскольку это было проявление политической жизни⁶.

Объектом исследования являются эллинистический полис, его духовная жизнь – идеология и социальная психология.

Предметом исследования является система представлений об образцовом гражданине, его положительных качествах (выраженных в терминах и формулах постановлений), развитие этой системы.

Целью работы будет изучение идеологии эллинистических полисов в рамках представлений об обязанностях гражданина, установление связи этих представлений с представлениями классической эпохи, с монархической идеологией, с философскими идеями. Будут затронуты качества не только политической и социальной элиты полисов – эвергетов, а также врачей как части элиты интеллектуальной, поскольку они были другой важной частью гражданского коллектива.

Из чего вытекают задачи исследования:

- 1) Проанализировать термины и формулы, содержащиеся в текстах почётных декретов, изучить содержание декретов.
- 2) Установить, какие качества гражданина выражены в почётных декретах.
- 3) Составить из этих качеств общую систему полисной идеологии эллинистического времени.
- 4) Сделать заключение о переменах в полисной идеологии.

Территориальные рамки исследования включают в себя области Троады, Эолиды, Мисии, Ионии, Карики, островов Эгейского моря – Киклад и Спорад, а также расположенный на европейском берегу Геллеспонта полис Сест. Такой выбор обусловлен тем, что наиболее яркими примерами

⁶ Steinwenter A. *Utilitas publica – utilitas singulorum* // Festschrift Paul Koschaker. Bd. I. Weimar, 1939. S. 87.

греческих полисов, существовавших в условиях монархической власти, были греческие полисы эгейского побережья Малой Азии и островов Эгейского моря – на западе, в Балканской Греции, полисы всё же сохраняли некоторую долю независимости (некоторые из них объединились в федерации – Ахейскую и Этолийскую, противостоявшие власти македонских монархов, а Спарта и вовсе не признавала ничьей власти), в то время как на востоке расположились классические эллинистические полисы, не имевшие традиций самоуправления, и не имевшие даже формальной свободы (так как располагались на царской земле, были основаны и заселены царями). В этой территориальной выборке нет привязки к определённому царству – все эти области поочерёдно переходили из одних рук в другие. В Эгеиде долгое время господствовали Птолемеи, кроме того, в их власти был и Геллеспонт. Но со временем египетская династия потеряла гегемонию в Эгеиде, уступив её македонским Антигонидам, а Геллеспонт перешёл в руки Селевкидов, а затем и Атталидов. В западной части Малой Азии долгое время господствовали Селевкиды, но после 188 г. до н.э. по результатам Апамейского мира эти земли отошли к короне Атталидов, прежде владевших долиной реки Каик. Так что ни одна из областей не была постоянно встроена в систему одного царства, но время от времени полисы и области меняли властителей. Впрочем, способы осуществления монархами власти не отличались у Селевкидов, Атталидов, Птолемеев и Антигонидов – полисы Киклад, Спорад и эгейского побережья Малой Азии существовали в примерно одинаковых политических условиях. Помимо этого придётся привлекать дополнительный материал из других регионов Средиземноморья – Сирии и Аттики.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала III в. до н.э., когда завершился процесс создания эллинистических царств, и до 100 г. до н.э., когда Эгеида и Пергамское царство стали частью Римской Республики. Хотя формально датой конца эпохи эллинизма для этого

региона считается 133 г. до н.э., однако именно после этой даты были созданы важнейшие декреты, о которых пойдёт ниже речь. В любом случае, даже после установления власти Республики в малоазийских полисах оставалось всё то же население, сохранявшее прежние политические представления. При этом будет задействован и материал более ранних эпох для того чтобы проследить эволюцию этих представлений.

Источниковая база исследования основана на почётных декретах, принятых в малоазийских полисах, но не ограничивается ими – кроме эллинистических декретов из Малой Азии использованы надписи аналогичного периода из Сирии. Для изучения зарождения феномена почётных декретов и полисной идеологии эпохи эллинизма использованы материалы предшествующего периода – IV в. до н.э. Это декреты афинского народного собрания в честь членов совета, речи аттических ораторов, философские произведения последователей школы Сократа. И, кроме этого, – литературные произведения V в. до н.э. и более ранних эпох.

Костяк источников составляют четыре пространные и подробные надписи, хорошо известные и часто упоминаемые в трудах по истории эллинизма, в которых наиболее подробно описан образ эвергета. Самая ранняя из них – декрет совета полиса в честь Кефисодора, сына Аристонна, из фригийской Апамеи, принятый в годы правления Эвмена II (188—159 гг. до н.э.), в период расцвета царства (MAMA VI, 173). Наиболее короткий из всех, этот декрет, тем не менее, содержателен. Остальные три декрета созданы уже после 133 г. до н.э. – в них упоминаются восстание Аристонника и римляне. Декрет совета Метрополя в честь Аполлония, сына Аттала, был принят в 131-129 гг. до н.э. – либо сразу после поражения войска Публия Лициния Красса Муциана, в котором погиб почтённый Аполлоний, либо после подавления восстания (I. Metropolis). Эта надпись ценна тем, что вместе с обычными качествами эвергета в ней большое внимание уделено и военной доблести гражданина. Ему предшествует более ранний декрет в честь Аполлония,

принятый при жизни, где он предстаёт перед нами как эвергет. Другая надпись представляет собой классический декрет в честь эвергета – Мосхиона, сына Кидима из Приены (I. Priene 108). Датируется она 129-100 гг. до н.э. Мосхион не сражался на поле боя против Аристоники, но участвовал в организации обороны города во время осады, и был почтён при жизни, благополучно дожив до установления мира. Его деятельность на благо полиса охарактеризована щедрыми дарованиями денег, исполнением посольств и магистратур. Последняя надпись происходит из полиса Сест на Геллеспонте, датируемая 133-129 гг. до н.э. (IK Sestos 1). Это декрет Совета и Народного собрания в честь Менаса, сына Менета – этот гражданин исполнял должность гимнасиарха, не жалея на это денег, устраивал на свой счёт жертвоприношения, а в годы фракийского вторжения (одновременного с восстанием Аристоники) активно контактировал со стратегом Стратоном и римскими консулами «для достижения спасения города». Кроме этих надписей имеется ряд других, в которых почтены граждане, хотя и не отметившиеся щедрыми пожертвованиями, но добившиеся успеха в общественной и внешнеполитической деятельности. Довольно многочисленны декреты в честь врачей – с острова Кос или же других островов и общин. Следует отметить, что работа не претендует на то, чтобы охватить все надписи по данной теме – эта задача в рамках магистерской диссертации едва ли осуществима. Однако представленная в исследовании выборка эпиграфических документов охватывает наиболее значимые и характерные для исследуемой эпохи надписи, анализ которых может наметить основные направления общественной мысли эллинистических полисов.

Тема работы частично затронет и аспект обязанностей подданных по отношению к царю – в данном случае будут использованы надписи из Селевкии в Пиерии, на сирийском побережье.

Уже упоминалось, что исследование затронет IV в. до н.э. – в этот период были приняты декреты в честь граждан, хорошо показавших себя в исполнении обязанностей булевта. Этот тип декретов стал прообразом почётных декретов эллинистической эпохи. Они были изданы «Американской школой классических наук в Афинах» в сборнике под названием «The Athenian Agora»⁷.

Но одной эпиграфикой исследование не ограничивается. Для изучения качеств образцового гражданина очень важны речи аттических ораторов IV в. до н.э. – Ликурга, Демосфена, Исократы, а также философские произведения Ксенофонта, Платона, Аристотеля, во многом повлиявшие на мир идей того времени. Помимо этого, в работе будут встречаться ссылки и на иные литературные произведения – сама по себе тема положительных качеств была затронута во многих произведениях поэтов, трагиков, философов, чем и объясняется такая широта возможных источников.

Историография вопроса небогата – выше уже была отмечена неисследованность темы. На тему эвергетизма в своё время одним из первых обратил внимание У. Тарн в изданной в 1927 году монографии «Hellenistic Civilization»⁸. Десятилетием позже Артур Штайнвентер опубликовал статью «Utilitas publica – utilitas singulorum», вышедшую ещё в 1939 году в сборнике в честь Пауля Кошакера, которая была посвящена дихотомии общественной и частной выгоды в античном обществе⁹. В статье была затронута тема связи почётных декретов с идеей общественной пользы, но затронута вскользь.

В дальнейшем многие исследователи заметили эту особенность общественной жизни эллинистических полисов – на основании изучения почётных декретов был сформулирован тезис о преобладании полисной элиты в политической жизни, безусловно, верный, но не затрагивающий

⁷ The Athenian Agora. V. 15, Inscriptions: The Athenian Councillors. Princeton, 1974.

⁸ Тарн В. Эллинистическая цивилизация.

⁹ Steinwenter A. Utilitas publica – utilitas singulorum // Festschrift Paul Koschaker. Bd. I. Weimar, 1939.

подробно тему образа гражданина в эллинистическом полисе. Эта тема долгое время оставалась неизученной, пока буквально в последнее десятилетие она не была затронута в статьях двух европейских исследователей. Первым вопрос поднял немецкий исследователь из Гейдельбергского университета Петер Шольц. В 2008 году в «Historische Zeitschrift» вышла его статья «Die «Macht der Wenigen» in den hellenistischen Städten», в которой была изучена роль полисной знати в эпоху эллинизма, её идеология, методы осуществления власти, и что очень важно – проявление этой идеологии в почётных декретах¹⁰. Годом позже, в сборнике «Rollenbilder in der athenischen Demokratie» П. Шольц развил в статье «Der «gute» Bürger in Lykurgs Rede gegen Leokrates» свой тезис, высказанный в предыдущей статье, о том что речь Ликурга против Леократа заложила основы для идеологии эллинистической полисной элиты¹¹. Два года спустя, в 2011-м вышла статья другого исследователя на схожую тематику – британский исследователь из Кардиффского университета (Уэльс), Стивен Ламберт в сборнике «Sociable Man: Essays on Ancient Greek Social Behaviour in Honour of Nick Fisher» опубликовал статью «What was the point of inscribed honorific decrees in classical Athens?»¹². Хотя она посвящена декретам позднеклассической эпохи, её значение для изучения политической идеи эпохи эллинизма не меньшее. Во-первых, в статье подробно показано зарождение жанра почётных декретов. Во-вторых, С. Ламберт в некоторой степени затрагивает и постклассическую эпоху. В статье также затронута и терминология почётных декретов.

Важные соображения относительно полисных элит и языка почётных декретов содержатся в монографии Святослава Дмитриева «City Government

¹⁰ Scholz P. Die «Macht der Wenigen» in den hellenistischen Städten // Historische Zeitschrift. Bd. 47. München, 2008.

¹¹ Scholz P. Der «gute» Bürger in Lykurgs Rede gegen Leokrates // Rollenbilder in der athenischen Demokratie. Wiesbaden, 2009.

¹² Lambert S. What was the point of inscribed honorific decrees in classical Athens? // Sociable Man: Essays on Ancient Greek Social Behaviour in Honour of Nick Fisher. Swansea, 2011.

in Hellenistic and Roman Asia Minor», вышедшей немного ранее, в 2005 году в Оксфорде. Также этот труд – ценнейшее пособие по полисным магистратурам в Малой Азии¹³.

Для исследования очень важны ещё два труда, которые хотя и не затрагивают тему данной работы, но посвящены вопросам морали и добродетелей в древнегреческом обществе. Это труд «Der Kanon der zwei Tugenden», принадлежащий перу немецкого классического филолога Альбрехта Диле, преподававшего в университетах Кёльна и Гейдельберга¹⁴. Вышедший в 1968 году, труд представляет собой брошюру, весомую в плане содержания, – сочинение посвящено канону двух добродетелей, справедливости и набожности, эволюцию которого А. Диле прослеживает от Гомера до христианских времён. А в 1974 году в Оксфорде вышел другой важный для исследования труд – «Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle» за авторством Кеннета Джеймса Довера, профессора университета Сент-Эндрюс (Шотландия)¹⁵. В этом сочинении был дан подробный обзор древнегреческой общественной морали, особенно важен раздел, посвящённый добродетели и понятию *καλός*.

В отечественной историографии эта тема напрямую не затрагивалась исследователями, однако в ряде работ фрагментарно содержатся ценные для изучения темы сведения. Т.В. Блаватская в работе «Из истории интеллигенции эллинистического времени» обращается к качествам представителей интеллектуальных профессий, особенно подробно рассмотрены врачи¹⁶. А.Б. Ковельман в своём труде «Риторика в тени пирамид: Массовое сознание в Римском Египте» довольно близко подходит к теме данного исследования, когда обращается к материалам птолемеевского

¹³ Dmitriev S. City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor. Oxford, 2005.

¹⁴ Dihle A. Der Kanon der zwei Tugenden. Köln, Opladen, 1968.

¹⁵ Dover K.J. Greek Popular Morality...

¹⁶ Блаватская Т.В. Из истории интеллигенции эллинистического времени / М., 1983.

времени¹⁷. А.И. Зайцев в работе «Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э.» обращается к социальной психологии древнегреческого общества и его важной черте – агональному духу¹⁸. О.Ю. Климов в труде «Пергамское царство: проблемы истории и государственного устройства» обращается к текстам декретов в честь эвергетов, даёт характеристику этим представителям эллинистической элиты¹⁹.

Такова наиболее важная для исследования научная литература. Помимо перечисленных трудов важны комментированные издания надписей, такие как «*Supplementum Epigraphicum Graecum*», «*Royal correspondence in the Hellenistic period*», серия «*Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien*» и другие. Вместе с ними важную роль играют пособия по эпиграфике Вилема Ларфельда «*Handbuch der griechischen Epigraphik*»²⁰ и Брэдли Маклина «*An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great Down to the Reign of Constantine (323 B.C.-A.D. 337)*»²¹.

Кроме того эпизодически будут использованы и другие монографии и статьи, не посвящённые данной тематике, но содержащие в отдельных местах ценную информацию. Они приведены в списке литературы.

Говоря о методологии исследования, стоит отметить, что в основу работы положены общенаучные принципы объективности, системности и историзма. В работе наиболее важное место занимает филологический метод, с помощью которого раскрывается значение терминов, выражающих

¹⁷ Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид: Массовое сознание в Римском Египте. М, 1998.

¹⁸ Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э./ под ред. Л. Я. Жмудя. 2-е изд., испр. и перераб. СПб, 2000.

¹⁹ Климов О.Ю. Пергамское царство: проблемы истории и государственного устройства / отв. ред. Э.Д.Фролов. СПб, 2010.

²⁰ Larfeld W. *Handbuch der griechischen Epigraphik*. Bd. I. Leipzig, 1907.

²¹ McLean B.H. *An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great Down to the Reign of Constantine (323 B.C.-A.D. 337)*. University of Michigan Press, 2011.

качества образцового гражданина. Системно-структуральный анализ используется для воссоздания канона добродетелей как взаимосвязанной системы. С той же целью используется индуктивный метод – из отдельных терминов, выражающих положительные качества, воссоздаётся образ идеального гражданина в целом. Перед этим применяется метод классификации – различные термины, выражающие одно понятие, качество, классифицируются в зависимости от их значения. Термины, выражающие качества, сравниваются между собой, чем выявляются их различия и сходства – в этом проявляется сравнительный метод. Проблемно-хронологический метод позволяет рассмотреть развитие системы представлений об образцовом гражданине.

Научная новизна работы заключается в том, что в работе впервые в историографии даётся комплексный анализ терминов, в которых были выражены положительные качества гражданина эллинистической эпохи, на основании изучения большого объёма эпиграфических документов. Основоположниками изучения этой темы, разумеется, являются П. Шольц и С. Ламберт, однако они в своих работах не затрагивали весь комплекс представлений об образцовом гражданине, его положительных качествах (и такую цель перед собой не ставили).

Теоретическая значимость работы заключается в реконструкции канона добродетелей эллинистического гражданина, содержащегося в многочисленных почётных декретах (которые являются главным источником по данной теме).

Практическая значимость работы заключается в том, что выводы, библиография и подборки источников, изложенные в ней, могут служить базой для дальнейших исследований политической и социальной мысли эллинистических полисов (частью которых является комплекс представлений об образцовом гражданине).

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Идеология эллинистических полисов, выраженная в почётных декретах, отражала в основной степени систему ценностей полисной элиты, стоявшей во главе городского управления. Вместе с тем, определенные ценности были важны и для людей рядового статуса и невысокого материального положения.

2) Перечень добродетелей образцового гражданина был порождён повседневной политической и социальной жизнью городов, будучи слабо связанным с теоретическими идеями философов.

3) Качество ἀρετή включало в себя другие положительные качества, а также благодеяния гражданина, выражая их совокупность.

Структура работы следующая. Исследование состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованной литературы и списка сокращений.

Во введение обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, хронологические рамки, формулируются цели и задачи, практическая и теоретическая значимость, структура работы.

В первой главе прослеживается зарождение в эпоху поздней классики почётных декретов как жанра эпиграфики, начало использования терминов, выражающих положительные качества гражданина.

Во второй главе рассматриваются почётные декреты эллинистической эпохи, раскрывается их содержание, перечисляются качества почётных граждан и их благодеяния. При этом перечисленные качества соотносятся с деяниями почётного гражданина, устанавливается взаимосвязь указанных в декрете качеств и личных качеств гражданина (насколько позволяют судить сведения, содержащиеся в декрете).

В третьей главе систематизируется материал, изложенный во второй главе – термины положительных качеств гражданина, происходящие из различных надписей в честь политической и социальной элиты полисов (так называемых эвергетов), соотносятся друг с другом, с позднеклассической традицией (речи ораторов, литература, философия, аттические почётные декреты IV в. до н.э.), с царскими письмами. В конце главы излагается канон добродетелей эллинистического гражданина, представленный как взаимосвязанная система.

В четвёртой главе рассматриваются качества интеллектуальной элиты эллинистических полисов на примере декретов в честь врачей косской медицинской школы. Они сравниваются с общегражданской системой представлений о качествах образцового гражданина (которая, как правило, применялась в отношении представителей политической и социальной элиты), на основании чего делаются выводы об отличии канона добродетелей обычного гражданина и профессионала-интеллектуала (в данном случае – врача).

В заключении автор обозначает итоги работы и формулирует основные выводы в отношении поставленного в исследовании вопроса, представляет качества образцового гражданина как единую систему, обозначает дальнейшие перспективы изучения темы.

Глава I. Зарождение и развитие почётных декретов как жанра эпиграфики.

Почётные декреты были выделены в отдельную категорию эпиграфических документов ещё в пособии по греческой эпиграфике В. Ларфельда. Они многочисленны и информативны, зачастую служат важнейшим дополнением к нарративной традиции, а в некоторых случаях они доносят до нас информацию, не вошедшую в сочинения античных авторов. Как явление почётные декреты связаны с эллинистической эпохой, на что обратил внимание У. Тарн.

В. Ларфельд в «Handbuch der griechischen Epigraphik» не указывает времени возникновения жанра эпиграфических декретов в Греции, но он отмечает их существование в Афинах V в. до н.э.²².

Важным шагом в изучении этого вопроса стала статья П. Шольца «Die «Macht der Wenigen» in den hellenistischen Städten», в которой исследователь утверждает, что впервые отдельные граждане были превознесены в почётных декретах в III в. до н.э., хотя и отмечает важный вклад в развитие жанра посмертного декрета в честь оратора Ликурга (Plut. Mor. 852), который был принят в 307/6 г. до н.э., т.е. в конце IV века²³. Это же положение было высказано им годом позже в статье «Der «gute» Bürger in Lykurgs Rede gegen Leokrates»²⁴. Однако С. Ламбертом была выдвинута противоположная точка зрения, изложенная им в статье «What was the point of inscribed honorific decrees in classical Athens?». Зарождение жанра почётного декрета исследователь относит к эпохе классических Афин, когда Народным собранием принимались проксенические декреты в честь иноземных граждан

²² Larfeld W. Handbuch der griechischen Epigraphik. Bd. I. Leipzig, 1907. S. 487.

²³ Scholz P. Die «Macht der Wenigen» in den hellenistischen Städten // Historische Zeitschrift. Bd. 47. München, 2008. S. 82.

²⁴ Scholz P. Der «gute» Bürger in Lykurgs Rede gegen Leokrates // Rollenbilder in der athenischen Demokratie. Wiesbaden, 2009. S. 187.

и царей – в качестве примера С. Ламберт приводит знаменитый декрет в честь боспорского царя Спартока и его брата Перисада (SIG I³, 206), датируемый 346 г. до н.э. Проксенические декреты легли в основу почётных декретов в честь граждан²⁵. Особенно активно такие декреты стали приниматься после 350 г. до н.э. – на это время пришлось ослабление Второго афинского морского союза в результате Союзнической войны 357-355 гг. до н.э. и возвышения Македонии. Это было значительное ослабление Афин, их внешнеполитический кризис, который отразился на военной мощи полиса. В этот период афиняне стали ценить любую поддержку – так, примерно в 337–325 гг. по предложению оратора Ликурга был принят декрет в честь Сопатра, сына Акрага, торговца зерном, который своими поставками помог Афинам (SEG LIV, 170). За это ему были дарованы ксения и место на Дионисиях. Это постановление воплотило на практике мысль, высказанную в 355 году Ксенофонтom – в трактате «О доходах» он советует даровать купцам и судовладельцам право проэдрии, приглашать их на государственные обеды (Xen. Poroi. III, 3). Он советовал это делать, объясняя, что чужеземные граждане и цари будут вносить деньги в ответ на благодарности полиса (Xen. Poroi. III, 11)²⁶.

Что ещё более важно – после 350 г. до н.э. афинское народное собрание начинает принимать почётные декреты не только в честь иностранцев, но и в честь своих граждан. Одним из самых первых примеров является декрет в честь Фанодема, сына Дилла, за надлежащее исполнение им обязанностей в совете (Agora XV, 34; IG II², 223, 4-5). Демосфен в речи «О венке» приводит уже сложившуюся систему награждения и союзников псефизмами и увенчаниями, регулирование почестей (Dem. XVIII). Афинские граждане стали поощряться к совершению благих дел на благо полиса, одновременно с этим стали проводиться судебные процессы против

²⁵ Lambert S. What was the point of inscribed honorific decrees in classical Athens? // *Sociable Man: Essays on Ancient Greek Social Behaviour in Honour of Nick Fisher*. Swansea, 2011.

²⁶ Ibid., P. 196-197.

тех граждан, которые пренебрегали своими гражданскими обязанностями. Так, оратор Эсхин в 346/5 гг. до н.э. выиграл суд против Тимарха, который имел дурную нравственную репутацию, как раз благодаря настроениям в обществе, которые выразились в том, что в этом же году были приняты первые постановления в честь членов Совета, исправно исполнивших свои обязанности (IG II², 215). Это было сделано с той целью, чтобы поощрить членов магистратов к совершению благих дел на благо полиса, особенно в тех условиях, когда они не получали платы в современном смысле этого слова²⁷. Афиняне требовали от своих магистратов ответственности и соблюдения общественных и этических норм в трудные для их отечества времена.

В общих чертах, мысль С. Ламберта такова – Афины в эпоху внешнеполитического кризиса использовали почётные декреты как средство мотивации граждан и союзников к усердному труду на благо государства, переживающего тяжёлые времена и нуждающегося в их усилиях для укрепления положения. Сложно сказать, кто первым выдвинул такую идею – можно предположить, что к этому причастен Ликург, оратор и известный политический деятель своего времени, который предложил декрет в честь торговца зерном Сопатра. Примечателен тот факт, что посмертный декрет в честь Ликурга С. Ламберт, так же как и П. Шольц, приводит в качестве примера декретов, из которых выросла традиция эллинистических почётных декретов²⁸.

Следует обратиться к первым почётным декретам для того чтобы понять, что они представляли собой. Первый из упомянутых декретов – в честь Спартока и Перисада, 346 г. до н.э. (SIG I³, 206). В начале декрета говорится, что «...афинский народ восхваляет Спартока и Перисада за то, что они хорошие мужи...» («...ὅτι ὁ [δῆ]μος ὁ Ἀθηναίων ἐπαινεῖ Σπάρτ[ο]κον καὶ

²⁷ Ibid., P. 196-199.

²⁸ Ibid., P. 206.

Παρισάδην ὅτι εἰσὶν ἄνδρες [ἀ]γα[θ]οὶ...» – стк. 11-14), и за то, что они обещали заботиться о поставках хлеба для афинского народа. Уже здесь мы видим применение термина ἀγαθός, которое в этой работе будет переводиться как «благородный», а также указание на щедрость почётных персон – благородство и щедрость соседствуют в этой надписи, и это примечательно, поскольку в дальнейшем эти два понятия станут неразрывно связаны друг с другом в почётных декретах. Кроме того, Спарток и Перисад обещали ревностно (προθύμως) служить на благо афинского народа. За то, что они дали афинянам те же привилегии, что и их предшественники, царственные братья Сатир и Левкон должны были быть увенчаны золотыми венками в праздник великих Панафиней (стк. 23-26). При этом должно быть объявлено, что Спарток и Перисад увенчиваются «...за доблесть и расположение к афинскому народу...» («...ἀρετῆς καὶ εὐνοίας ἕνεκα τῆς εἰς τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων...» – стк. 32-33). Здесь появляются следующие два важных термина эллинистических почётных декретов – ἀρετή и εὐνοία, «доблесть» и «расположение». Слово εὐνοία можно также перевести как «благосклонность, благоволение, доброжелательность». Далее идёт указание, что текст постановления должен быть высечен на каменной стеле, на которую выделяются деньги.

Первый почётный декрет в честь граждан в силу своей плохой сохранности не сохранил те формулировки, в которых излагались положительные качества почётных (IG II², 215). По нему можно только понять, что какие-то булевты были почтены. Однако хорошо сохранился принятый тремя годами позже (343/2 г. до н.э.) декрет в честь Фанодема, сына Дилла – первый декрет в честь гражданина (Agora XV, 34; IG II², 223). Он почти столь же подробен, как и декрет в честь Спартока. Здесь впервые употреблена формула, отображающая качества образцового булевта, Фанодема – «...за доблесть и справедливость...» («...ἀρετῆς ἕνεκα καὶ δικαιοσύνης...» – стк. 3). Здесь вместе с доблестью появляется новый важный

термин – δικαιοσύνη, «справедливость». Это понятие также будет одним из основных. Также в этом декрете впервые употреблены ещё две важные формулы и одно важное слово эпиграфического лексикона: «ἐπειδὴ Φανόδημος Διύλλου Θυμαϊτάδης καλῶς καὶ φιλοτίμως καὶ ἀδωροδοκῆτως βεβούλευκεν λέγων καὶ πράττων τὰ ἄριστα ὑπὲρ τῆς βουλῆς καὶ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων καὶ τῶν συμμάχων...» («Поскольку Фанодем, сын Дилла, из дема Тиметады, прекрасно, честолюбиво и бескорыстно исполнил обязанности булевта, говоря и делая наилучшее в интересах совета, народа афинян и союзников...» – стк. 10-11). Здесь впервые употреблена вводная формула ἐπειδὴ, «поскольку», которая будет использоваться во всех почётных декретах. Другая формула «λέγων καὶ πράττων», «говоря и делая», тоже ляжет в основу лексикона позднейших почётных декретов. Наречие φιλοτίμως, которое здесь переведено как «честолюбиво», имеет в почётных декретах значение «с честолюбивым рвением». Оно будет встречаться далее повсеместно.

Ещё одним хорошим примером является декрет, принятый спустя два года, в 341/0 году (Аgora XV 38; IG II² 1749). В начале декрета говорится о том, что следующие ниже списком булевты увенчаны советом и народом «за доблесть и справедливость» («...ἀρετῆς ἔνεκα καὶ δικαιοσύνης...» – стк. 2-3), как и в предыдущем декрете. Далее приводится список почётных, после чего приводится формула: «Γαρрий из дема Эрхия предложил членам фил, поскольку Посидипп из дема Гестиея, казначей, прекрасно и справедливо исполнил должность казначея...» («[Θ]αρρίας Ἐρχιεὺς εἶπεν ἐψηφίσθαι τοῖς φυλέταις, ἐπειδὴ Ποσειδίππος Ἐστιαίοθεν ὁ ταμίας [τῆ]ς φυλῆς καλῶς [κ]αὶ δικαίως ἐταμίευσε...» – стк. 74-75). Здесь примечательно появление наречия καλῶς, переводимого как «прекрасно», употребление которого в лексиконе почётных декретов. Посидипп ниже восхваляется за доблесть и справедливость, на левой стороне декрета эта формула будет повторена в отношении булевтов трижды, и ещё один раз – καλῶς καὶ δικαίως. Некий

Аристофан, сын Эвклида из дема Икария, был почтён за одну справедливость. Как можно видеть, в этом декрете человек мог быть почтён упоминанием в длинном списке, но за особые достижения при исполнении магистратуры гражданина могли почтить и более подробным упоминанием в декрете.

Принятый уже в следующем десятилетии декрет 328/7 г. до н.э. содержит формулировку, объясняющую дарование почестей, что тоже является важной вехой: «...καὶ στεφανῶσαι ἕκαστον αὐτῶν χρυσῶι στεφάνωι ... ὅπως ἂν καὶ οἱ ἄλλοι φιλοτιμῶνται πρὸς τὴν βουλὴν εἰδότες ὅτι χάριτας αὐτοῖς ἢ βουλὴ ἀπο[δ]ώσει τὰς ἀξίας ἑκάστωι ὧν ἂν εὐεργετήσωσιν...» («...и увенчать каждого из них золотым венком... чтобы другие желали почестей со стороны Совета зная, что Совет благодарности даст им достойную каждого, который бы совершил благодеяния...» – *Agoga XV 49; IG II³,1 360, 50-55*). Это первое объяснение цели дарования почестей гражданам. Здесь важную роль играет слово «φιλοτιμῶνται», «стремятся к почестям». Вместе с наречием φιλοτίμως из предыдущего декрета оно отражает побудительные мотивы почётных декретов. Как отмечает С. Ламберт, почётные декреты служили рычагом для побуждения людей делать благо для Афин, и это стало возможно в той культуре, где честь и слава играли большую роль²⁹. Говоря о φιλοτιμία («честолюбие», «честолюбивое рвение»), С. Ламберт замечает, что в эпоху афинской радикальной демократии, исповедовавшей коллективистские идеалы, это было нежелательное качество, однако в IV веке, когда демократия стала более зрелой, отношение к этому качеству поменялось. В эпоху упадка полису было важно сохранить благодеяния состоятельных и сильных людей³⁰. Относительно благодеяний следует заметить то, что в декрете 328/7 г. до н.э. было применено другое важное слово из лексикона почётных декретов – глагол εὐεργετέω («совершать благодеяния»), однокоренной с существительным εὐεργεσία (благодеяние), от которого

²⁹ Lambert S. What was the point... P. 194.

³⁰ Ibid., P. 197.

происходит термин εὐεργέτης (эвергет), обозначающий богатого и влиятельного человека, совершающего славные деяния на благо полиса (Agora XV 49 – IG II³, 1 360, 54-55).

Таким образом, почётные декреты предназначались для поощрения граждан к исполнению гражданского долга при исполнении магистратур. Подобного рода мотивацию, но только уже для исполнения воинского долга, можно усмотреть в знаменитой надгробной речи Перикла (Thuc. II, 34-47).

Что же касается боспорских династов и торговцев зерном, Ксенофонт прямо говорит в сочинении «О доходах» о том, для чего их поощрять – чтобы они доставляли полису материальные блага (Xen. Poroi. III, 3). Конечно, возникает вопрос – а были ли заинтересованы иноземные «цари, тираны и сатрапы», а вместе с ними торговцы в афинских почестях? Ведь Спарток и Перисад не посетили Афины, чтобы быть увенчанными на Великих Панафинеях. Этим же вопросом задаётся и С. Ламберт, который находит для себя ответ в том, что главный смысл заключался в том, что декрет принимал форму в виде стелы с надписью, которая затем устанавливалась на Акрополе, среди монументальной архитектуры эпохи Перикла, по соседству с храмами богов – это должно было льстить почётным иноземцам³¹. Но кроме этого важного аспекта установка стел с почётными декретами льстила и афинянам, повышая их самоуважение в эпоху падения величия Афин. Особенно эта тенденция усилилась после поражения при Херонее, когда на почётные декреты начинают оказывать влияние примеры (exempla) из славного прошлого, первых лет Пелопонесской войны, описанных Фукидидом³².

Кроме постановлений в честь боспорских царей следует также отметить декреты в честь акарнанцев Формиона и Карфиния (337 г. до н.э. – Tod, II, 178), друзей афинского народа, и македонского придворного, друга

³¹ Ibid., P. 201.

³² Ibid., P. 203-204.

царя Филиппа, имя которого не сохранилось (336 г. до н.э. – Tod, II, 181). Формион и Карфиний почитаются за заботу (ἐπιμέλεια) по отношению к афинянам и ἄρετή. В декрете в честь прибывшего от Филиппа придворного также отмечается его ἐπιμέλεια.

Как можно заметить, в 350-320-х гг. до н.э. параллельно существовали две традиции почётных надписей. Первая, и самая ранняя, – это надписи в честь иноземцев, оказавших услуги афинскому полису – они наиболее пространны. Вторая традиция – в честь афинских граждан. Этот тип декретов более лаконичен в изложении достоинств почётных персон, хотя в них тоже намечалась тенденция к более подробному изложению выдающихся качеств человека. Об этой категории писал В. Ларфельд, говоря о том, что первые афинские почётные декреты содержали короткую формулировку, после которой шло перечисление почестей. Самые первые почётные декреты и вовсе не содержали имени предложившего псефизму и формулировку дарования почестей – почестя просто даруется, и перечисляются почётные персоны. Однако, как отмечает исследователь, эта старая формулировка декретов развивается в новую, более подробную, пространную³³.

Новый тип почётных декретов рождается в конце IV в. до н.э. – после смерти афинского государственного деятеля Ликурга, который сам поспособствовал созданию жанра почётных декретов, написав текст постановления в честь Фанодема, сына Дилла. Он был почтён принятием в его честь почётного, посмертного декрета, который дошёл до нас в полном виде в «Жизни десяти ораторов» Плутарха (Plut. Mor. 852). П. Шольц, как было сказано, считал его первым из почётных декретов³⁴. С. Ламберт, подробнее изучивший историю зарождения жанра почётных декретов, относит зарождение этого жанра к более раннему времени, к середине IV в. до н.э. И тем не менее С. Ламберт тоже особенно выделяет декрет в честь

³³ Larfeld W. Handbuch... S. 487.

³⁴ Scholz P. Die «Macht der Wenigen»... S. 82; Scholz P. Der «gute» Bürger... S. 187.

Ликурга, считая его первым примером восхваления карьеры человека³⁵. В начале декрета говорится, что постановление предложено Стратоклом, сыном Эвтидема. Далее с уже знакомого нам вводного наречия ἐπειδὴ начинается само постановление: «ἐπειδὴ Λυκοῦργος Λυκόφρονος Βουτάδης παραλαβὼν παρὰ τῶν ἑαυτοῦ προγόνων οἰκείαν ἐκ παλαιοῦ τὴν πρὸς τὸν δῆμον εὖνοιαν...» («Поскольку Ликург, сын Ликофрона, из дема Бутады, получивший от его предков с давних пор дружественное к народу благоволение...» – Plut. Mor. 852a). Это тоже очень важный момент – здесь прославляется род почтённого Ликурга, что было вполне логично, ведь он происходил из древнего аристократического рода Этеобутадов, служивших жрецами Афины и Посейдона в Эрехтейоне. Мотив древности рода почтённого эвергета снова возникнет спустя два века в почётных декретах эпохи позднего эллинизма. Далее говорится о необходимости установки ему публичной могилы в Керамике (кладбище в Афинах, на котором хоронились выдающиеся афиняне), после чего в постановление включается такая фраза: «Λυκοῦργος αὐτὸς πολιτευόμενος νόμους τε πολλοὺς καὶ καλοὺς ἔθηκε τῇ πατρίδι...» («Ликург, сам будучи гражданином, законы многие и прекрасные постановил отечеству...» – Plut. Mor. 852a-b). Это указание на его плодотворную законодательную деятельность. Вслед за этим идёт перечисление его достижений на посту казначея полиса, и других, – таких как строительство гимнасия и палестры в Ликее, перестройку театра Диониса. Завершается постановление формулой, в которой говорится, что гражданам, «предпочитающим ради свободы и демократии» («...τοὺς προαιρουμένους ὑπὲρ τῆς δημοκρατίας καὶ τῆς ἐλευθερίας...» – Plut. Mor. 852d) совершать деяния, «живущим и умершим», даруются незабываемые благодарности. Здесь снова встречается мотив награды для самых старательных и деятельных граждан. Народом постановлено восхвалить Ликурга «...ἀρετῆς ἕνεκα καὶ δικαιοσύνης...» («...за доблесть и

³⁵ Lambert S. What was the point... P. 206.

справедливость...»), установить его статую на агоре, предоставить старшему из потомков место в пританее.

Позиция П. Шольца и С. Ламберта, отмечавших особое значение посмертного почётного декрета в честь Ликурга, понятна – перед нами предстаёт новый тип почётного декрета, ещё не полностью построенный по схеме, изложенной В. Ларфельдом, но уже имеющий все черты эллинистического почётного декрета. Первая черта – подробная биография, излагающая основные достижения человека при исполнении обязанностей магистрата – это ещё не щедрость эвергета, но то, как Ликург пополнял государственную казну своей рачительной финансовой политикой и занимался строительной деятельностью, делают его подобным эллинистическому эвергету. Вторая черта – формулировка с ἐλεῖδι, обосновывающая дарование гражданину почести. Третья черта – формулировка, излагающая цель принятия почётного декрета, которая заключалась в поощрении граждан к активной деятельности на благо полиса. Четвёртая черта – положительные качества гражданина, в данном случае доблесть и справедливость.

Но вклад Ликурга в создание жанра почётных декретов, как считает П. Шольц, ещё более значителен – по мнению исследователя, речь Ликурга против Леократа, повлияла на эллинистические почётные декреты. «Мир идей почётных декретов» (Begriffswelt der Dekrete), пишет П. Шольц, соответствует философии, изложенной Ликургом в речи против Леократа. «Мысленная близость некоторых декретов выражается в почти дословных формулировках», – пишет исследователь. П. Шольц указывает на ту часть речи Ликурга против Леократа, где оратор приводит примеры из жизни предков (чтобы показать идеал поведения гражданина, противоположность которому является обвиняемый им Леократ). Ликург в том числе приводит отрывок из драмы Еврипида «Эрехтей», в котором дочь царя Эрехтея предлагает себя в жертву, чтобы её отец смог одержать победу над войсками

фракийцев с Эвмолпом во главе. Говоря об этом, Ликург произносит такие слова:

«Поэтому справедливо воздать похвалу Еврипиду, и вообще являющемуся прекрасным поэтом, и за то, что он счел нужным изложить этот миф, считая, что подвиги тех будут прекрасным примером для граждан. Оглядываясь на эти подвиги и созерцая их, они будут воспитывать в своих душах любовь к отечеству»³⁶.

«διὸ καὶ δικαίως ἂν τις Εὐριπίδην ἐπαινέσειεν, ὅτι τὰ τ' ἄλλ' ὦν ἀγαθὸς ποιητῆς καὶ τοῦτον τὸν μῦθον προεἶλετο ποιῆσαι, ἡγούμενος **κάλλιστον** ἂν γενέσθαι τοῖς πολίταις **παράδειγμα** τὰς ἐκείνων πράξεις, πρὸς ἃς ἀποβλέποντας καὶ θεωροῦντας συνεθίζεσθαι ταῖς ψυχαῖς τὸ τὴν πατρίδα φιλεῖν» (Лус. 100).

Ключевая идея, которую Ликург высказывает – прекрасный пример (**κάλλιστον παράδειγμα**) для воспитания в душах граждан любви к отечеству.

П. Шольц приводит декреты, в которых воспроизводится эта мысль. В декрете в честь Полемея из Колофона (около 110 г. до н.э.) говорится, что он «питал свою душу прекраснейшим»: «...ἔτι τὴν ἀπὸ τῶν ἐφήβων ἔχων ἡλικίαν προσεδρεύων τῷ γυμνασίῳ καὶ τὴν μὲν **ψυχὴν τοῖς καλλίστοις συντρέφων μαθήμασιν...**» (SEG XXXIX1243, 1-4). В декрете в честь Зосима из Приены говорится о важности воспитания моральных качеств эфебов примерами из мифологии и истории (подобно тому, как Еврипид учил афинян в драме «Эрехтей»). Грамматик должен «вести души (эфебов) к добродетели и страданиям человеческим»: «...ἔτι δὲ σφαίρας καὶ ὄπλα καὶ τὸν ἐπιστά[την τὸ]ν τῶν ἐφήβων τοῖς ἐκ φιλολογίας γραμματικόν, δι' [ὧν μὲν] τὸ σῶμα βουλόμενος ἄοκνο[v] τυγχάνειν, δι' ὧν δὲ **τ[ὰς ψυχ]ὰς πρὸς ἀρετὴν καὶ πάθος ἀνθρώπινον προάγεσθαι...**» (I Priene 112, 73-76). Такое элитарное образование готовило юношей к тому, чтобы стать такими, как Менипп из Колофона, который охарактеризован в декрете (в соответствии с идеями Ликурга) как «...δείγμα

³⁶ Перевод Т.В. Прушакевич.

τὸ κάλλιστον τοῦ βίου καὶ τῆς παιδείας...», «прекраснейший образец жизни и образованности» (SEG XXXIX1244, 4-5)³⁷. Таким образом, идея П. Шольца заключается в том, что понятие «κάλλιστον παράδειγμα», «прекрасный пример», проникло в «мир идей почётных декретов» из речи Ликурга против Леократа.

Установив процесс зарождения этого жанра декретов, мы подошли, следуя по хронологии, к рассматриваемой эпохе – эллинизму. Прежде чем обращаться к анализу указанных во введении декретов, следует выяснить, что представлял собой эллинистический почётный декрет и какую роль он играл в общественной жизни.

П. Шольц, обращаясь к классической эпохе, пишет о наличии в демократических греческих полисах старой аристократии, которой когда-то пришлось смириться с господствующим положением демоса, но лишь внешне – аристократам было тяжело выносить равное участие в политической жизни с крестьянами, поденщиками, ремесленниками. Однако, потеряв господство на политической арене, аристократы нашли прибежище в культуре. Аристократическая идентичность определялась принадлежностью к аристократической культуре, которая выражалась в стиле жизни и культурной практике – институт симпосиев, участие в панэллинских играх. На культурной арене аристократы сохранили своё преобладание³⁸. Здесь следует отметить, что позиция Ликурга в речи против Леократа элитарна, хотя и не выражена ярко – он радуется, что мало таких плохих граждан³⁹. Как было сказано, оратор происходил из аристократического рода, так что это мнение П. Шольца имеет под собой основание.

Как пример аристократа, живущего при демократии, но идейно не принимающего её, П. Шольц приводит Псевдо-Ксенофонта, также

³⁷ Scholz P. Der «gute» Bürger... S. 188.

³⁸ Scholz P. Die «Macht der Wenigen»... S. 73-74.

³⁹ Scholz P. Der «gute» Bürger... S. 185.

называемого в литературе «Старый олигарх». В своём сочинении «Афинская полития» «Старый олигарх» иронично замечает, что на те магистратуры, от исполнения которых зависит общественное спасение, народ избирает благородных людей, а неблагородных не избирает (Ps.-Xen. I, 3).

Однако в конце IV столетия политическая обстановка изменилась – греческие полисы были подчинены власти эллинистических царей. Жизнь полиса теперь зависела от вопросов налогообложения и расквартировки царских войск на акрополе, и в этих условиях связь с царским двором приобрела жизненно важное значение. Как пишет П. Шольц, полисные господствующие слои неизбежно выиграли от этой перемены, укрепив свои силу и влияние, поскольку имели контакты и дружеские связи с царским двором⁴⁰. Эта мысль представляется интересной – действительно, знатные граждане, исповедовавшие аристократические идеалы, как никто могли найти общий язык с македонскими монархами, по сути, такими же аристократами. И, кроме того, важную роль играет то соображение, что царям было проще иметь дело с несколькими знатными семьями полиса.

В результате этого произошёл разрыв между простым народом и полисной верхушкой – и причём разрыв как в переносном, так и в прямом смысле. Полисная знать стала дальше от народа и территориально, поскольку проводила время при дворах царей, покидая надолго родной город. Но, как отмечает П. Шольц, ошибочно думать, что в эллинистическую эпоху потерялась связь гражданина с полисом, и что гражданская активность народа упала. Граждан и их активности было достаточно для организации обороны полисов, для укомплектования полисных ополчений – народ не уклонялся от военной повинности, народ всё так же принимал участие в деятельности народного собрания, голосовал за магистратов. То есть, политическая жизнь в полисе не умерла. Однако при этом существовало меньшинство гражданского коллектива, элита, из которой избирались

⁴⁰ Scholz P. Die «Macht der Wenigen»... S. 76-77.

стратеги, триерархи, ораторы, руководители, неофициальные лидеры. Подобно этому Перикл в демократических Афинах руководил политикой афинской державы на протяжении многих лет⁴¹. Это соображение немецкого исследователя заслуживает отдельного исследования, поскольку затрагивает довольно глобальную и вместе с тем важную проблему истории эллинизма – политическую жизнь эллинистического полиса и судьбу демократических органов и традиций. Эта точка зрения также представляется мне верной – сам по себе феномен почётных декретов означает наличие общественной жизни в полисах.

П. Шольц ссылается на Аристотеля, который в «Политике» перечисляет отличительные черты знатных (γνώριμοι): «πλοῦτος, εὐγένεια, ἀρετὴ, παιδεία» – богатство, благородное происхождение, доблесть, образование (Aristot. Pol. 1291b, 28-30). Однако полисная верхушка руководила полисом, согласно П. Шольцу, не только на основании богатства, происхождения и авторитета, но также на основании образования, которое дети полисной знати получали у частных учителей и в гимнасии – παιδεία. Знатные юноши изучали риторическое искусство, литературу, технические знания и другие дисциплины, которые потом применялись ими на дебатах в совете, в народном собрании, в суде (где они выступали как обвинители и защитники)⁴².

При чтении статьи П. Шольца возникает ощущение, что автор возводит происхождение правящих слоёв эллинистических полисов к аристократическим родам. Конечно, это сложный вопрос. Можно предположить, что в составе полисной верхушки были как потомки знатных архаических родов, так и семей, добившихся высокого положения в обществе в классическую эпоху. В любом случае, эллинистическая знать – это совсем иное социальное явление, нежели архаическая аристократия. Эвергеты

⁴¹ Ibid., S. 78-79.

⁴² Ibid., S. 80-81.

почитаются в декретах за благодеяния, которые они оказывают полису, используя своё богатство. Аристократы эпохи архаики уважались за военную доблесть, но эвергеты не всегда почитаются за подвиги на поле брани – декрет в честь павшего в бою Аполлония, сына Аттала, выглядит исключением на этом фоне. Но эта новая знать исповедовала аристократические идеалы, как было показано П. Шольцом.

Так или иначе, в эпоху эллинизма власть немногих снова воцарилась в греческих полисах, как и в эпоху архаики, пусть и на ином социальном основании. Здесь мы подходим к важному моменту. Если ценностная система архаической знати была выражена в творчестве таких поэтов, как Гомер, Гесиод, Феогнид, Архилох, Тиртей, Ксенофан, Солон, Пиндар и Вакхилид, то в эллинистическую эпоху, пишет П. Шольц, таковые литературные источники отсутствуют. Однако как эрзац этого выступают почётные декреты и надгробные надписи в честь выдающихся граждан. Декреты выражают признаки аристократического превосходства, которые были выражены в архаической литературе и дожили до эллинистических времён – сила и умение, красота и атлетические достижения, военная слава и риторическое красноречие⁴³.

Такова концепция П. Шольца, изложенная им в статье «Die «Macht der Wenigen» in den hellenistischen Städten». Противоположную точку зрения высказывает С. Ламберт. По его мнению, в поздних, менее демократических греческих полициях («...later, less democratic, Greek polities...») система почестей (в т.ч. и почётные декреты) не была призвана подчёркивать высокое положение элиты, поскольку элитарная идеология не обеспечила бы поддержку со стороны народа. Для доказательства С. Ламберт опирается на пример классических Афин, где элита не позиционировала себя как отдельный класс⁴⁴. Является спорным, насколько пример классических Афин

⁴³ Ibid., S. 72-73.

⁴⁴ Lambert S. What was the point... P. 202-203.

применим по отношению к эллинистическим полисам Малой Азии. Кроме того, тезис П. Шольца о том, что общественная жизнь эллинистического полиса не пришла в упадок и не исчезла, выглядит довольно убедительным. Всё же главное соображение относительно этого противоречия мнений будет высказано в другом разделе работы.

Теперь, когда зарождение и эволюция почётного декрета показаны, следует обратиться к его структуре, которая была изложена ещё в начале XX в. в пособии В. Ларфельда. Это уже «новая формулировка», согласно терминологии В. Ларфельда, которая отличалась более пространством изложением. Всякий, предложивший псефизму, следовал в её написании следующей схеме:

- 1) Тщательное обоснование дарования почестей, начинающееся с вводного союза ἐπειδὴ.
- 2) Формула цели и побуждения, в которой излагалось, для чего народ дарует почести гражданам (чтобы они совершали благодеяния для полиса в обмен на почести).
- 3) Переходная формула: ἀγαθῆι τύχηι, δεδόχθαι τῶι δήμῳι (Доброй удачи! Постановлено народом).
- 4) Предложение о похвале или награде – восхвалить (ἐπαινεῖσαι) такого-то. Завершение декрета.
- 5) Распоряжение о том, чтобы декрет вырезали на камне, на что выделяется определённая сумма денег.

Эта схема утвердилась не только в Афинах, пишет В. Ларфельд, но и распространилась в IV веке в большинстве греческих полисов⁴⁵.

Схожую схему приводит и современный автор пособия по греческой эпиграфике – канадский исследователь Б. Маклин. Согласно ему, главная структура почётного декрета такова:

⁴⁵ Larfeld W. Handbuch... S. 488.

- 1) Начало: может содержать формулу посвящения богам, формулу датировки, формулу санкции (Ἐδοξεv τῆ βουλήι καὶ τῶι δήμῳι – «постановлено советом и народом»), или имя инициатора псефизмы.
- 2) Мотив: вводный союз ἐπειδὴ (поскольку), или περὶ ᾧv (согласно чему). Цель – объяснить причины дарования почести. Это могло выражаться в формуле «ἐπειδὴ (ὁ δείνα) ἀνὴρ ἀγαθός ἐστίν περὶ τον δήμον την πόλιν» («поскольку (такой-то) является мужем доблестным по отношению к народу полиса»), или же «ἐπειδὴ (ὁ δείνα) εὖνους/πρόθυμος ὢν διατελεῖ τῶι δήμῳι» («поскольку (такой-то) расположенный/стараяющийся для народа»). Это утверждение могло подкрепляться дополнительными доводами, например, почтённый эвергет «словом и делом» (λέγων καὶ πράττων) совершал полезное для народа, или исправно исполнял свои должности – для подкрепления достижений используется множество определений (например – καλῶς καὶ δικαίως).
- 3) Цель почтения: почесть оказывалась благодетелям для поощрения их на совершение благодеяний в будущем. Это видимое напоминание о том, что народ будет помнить о благодеяниях и благодарить за них.
- 4) Формула резолюции: (ἀγαθῆι τύχηι) δεδόχθαι/ ἔδοξε(v) τῆι βουλήι καὶ τῶι δήμῳι.
- 5) Постановление: выражено инфинитивом ἐπαινέσαι, зависящим от δεδόχθαι/ ἔδοξε(v).
- 6) Заключение: декрет может завершаться проклятием тому, кто решится изменить, отменить декрет или признать недействительным⁴⁶.

⁴⁶ McLean B.H. An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine (323 B.C.-A.D. 337). University of Michigan Press, 2011. P. 229-232.

Такова внутренняя структура всех почётных декретов, равно как и проксенических.

В этой главе были показаны зарождение и эволюция почётного декрета как жанра. Зародившийся в классических Афинах в IV в. до н.э., он распространился на малоазийские полисы в том же веке. Из малоазийского Иасоса дошёл почётный декрет в честь братьев Горга и Минниона, сыновей Феодота, датируемый 333-323 гг. до н.э. (Tod, II, 190). Почтённые персоны, как сказано в декрете, в результате переговоров с Александром добились того чтобы народу был возвращён выход к «маленькому морю» (μικρά θάλασσα – по мнению издателя, это было озеро, или бухта, богатые рыбой). Декрет начинается с вводного ἐλεῖδῆ, в соответствии с принятой в Аттике формой составления декретов, братья охарактеризованы как καλοὶ καγαθοὶ за их деятельность на благо общины. В тексте декрета определённо сказывается влияние афинской практики – в греческом мире существовали другие формы почётных декретов, но они отличались от аттических лексикой. Например, в декрете Аргоса в честь Никокреона, сына Пнитагора, царя кипрского Саламина, отсутствуют ἐλεῖδῆ и характеристики наподобие ἀνὴρ καλὸς καὶ ἀγαθός или перечисление его качеств (331 г. до н.э. – Tod, II, 194). То же самое можно сказать и про дельфийский декрет 334 года в честь Аристотеля и Каллисфена (Tod, II, 187). На это указывает В. Ларфельд, говоря о краткости ранних дорийских почётных декретов. Таким образом можно засвидетельствовать раннее распространение аттической формы почётных декретов в Малой Азии – в 346 году эта форма только появляется в Афинах, а 15-20 лет спустя она перенимается на другом конце Эгейды. Должно быть в распространении жанра почётных декретов (его аттической версии) сыграли большую роль торговые связи, но наибольшую роль, как представляется, сыграло культурное родство афинян и преобладавших на эгейском побережье Малой Азии ионийцев. Несмотря на то что Аргос находился ближе к Афинам, а между полисами существовали тесные связи со времён

Пелопонесской войны, в Аргосе использовали свою форму почётных декретов. Иасос же был полисом ионийским – употребление в надписи ионийской формы δῆμος, а не дорийского δᾶμος (характерного для соседнего Коса) свидетельствует об ионийской культуре Иасоса. Возможно, аттическая форма почётных декретов распространилась в эпоху Александра и на другие полисы Ионии и острова Эгейды. Однако либо почётные декреты этой эпохи хуже сохранились, либо они были ещё слабо распространены. Скорее всего, верно второе утверждение – в следующей главе будет показано, что в эпоху раннего эллинизма почётные декреты встречаются реже по сравнению со II в. до н.э.

Глава II. Почётные декреты в честь политической и экономической элиты: образ эвергета в надписях.

Эта глава посвящена обзору надписей, которые были выбраны для изучения. Здесь будет изложено их содержание – достижения почётных эвергетов, и формулы, в которых излагались качества образцового гражданина. Этим разделом предваряется глава, где будет дано теоретическое осмысление изложенных в декретах понятий эллинистической общественной морали.

В предыдущей главе мы остановились на декрете из Иасоса, который свидетельствует о том, что аттическая форма почётных декретов появилась в Малой Азии уже в эпоху Александра. Следующая надпись относится уже к эпохе диадохов⁴⁷. Это постановление Народного собрания Колофона о восстановлении городской стены, на строительство которой собирались пожертвования граждан (а также метеков и ксенов), имена которых были затем записаны ниже текста постановления. В этом колофонский декрет напоминает афинские декреты в честь булевтов, с разницей в том, что в колофонском декрете указаны сотни граждан. Жертвователи были указаны в этом длинном списке для почтения – об этом прямо говорится в конце псефизмы: «...ὅπως τιμηθήσεται ἕκαστος τῶν ὑποδεξαμένων ἀξίως τῆς προθυμίας...» («...чтобы воздать почести каждому из сделавших взнос, достойно его рвеня...» – Kolophon 6, 32-33). В этой надписи, одной из

⁴⁷ Относительно точной датировки надписи существует дискуссия. Разные исследователи относят её создание к промежутку между 334 и 295 гг. до н.э. Подробнее об этом см.: Meritt B.D. Inscriptions of Colophon// The American Journal of Philology. 1935. №4. Vol. 56; Holland L.B. Colophon// Hesperia. 1944. №13; Cohen G.M. The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor: Hellenistic Culture and Society. Oxford, Los Angeles: 1995; Vacante S. Colophon in the Early Hellenistic Age// Klio. 2015. Vol. 97. Более основательными представляются те датировки, которые относят принятие надписи ко времени диадохов.

первых на территории Малой Азии (вместе с декретом из Иасоса) появляется мотив почтения граждан за их рвение (*προθυμία* – этот термин является одним из основных в лексиконе почётных декретов).

Самая ранняя из надписей эпохи эпигонов, эпохи устоявшихся эллинистических царств – это декрет, вернее – три высеченных на одной плите декрета, в честь Лариха. Происходящий из Приены, он датируется 285-270 гг. до н.э. От первого из трёх декретов дошла только концовка, в которой говорится про дарование Лариху проедрии, обедов в Пританее, освобождение от налогов, увенчание венком, и, что особенно важно, – установление его статуи рядом со статуями царей Селевка и Антиоха. В заключении говорится, что народ постановляет возвращать благодарности «...мужам прекрасным и благородным...» («...ὅτι ὁ δῆμος τοῖς κ[α]λοῖς καὶ ἀγαθοῖς ἀνδράσιν ἐπίσταται χάριτας ἀποδιδόναι...») – OGIS 215 I, 15-16), предпочитающим доставлять выгоды полису. В этом декрете появляется понятие калокагатии, до этого не встречавшееся в афинских декретах. Булевты восхвалялись «за доблесть и справедливость» – если ἀρετή была качеством любого порядочного гражданина, а δικαιοσύνη – качеством магистрата (об этом говорит А. Диле, о чём будет ещё сказано далее⁴⁸), то калокагатия была более элитарным, аристократическим качеством. Во втором декрете говорится уже об установке в его честь конной статуи, это мотивируется тем, что народ возвращает Лариху благодарность за его благодеяния («...τῶν εὐεργετημάτων...») – OGIS 215 II, 27). Так перед нами снова возникает важный термин почётных декретов – εὐεργεσία, благодеяние.

Концом III в. до н.э. датируется декрет в честь Фания, происходящий из Ураниона в Карии. Фаний, сын Эвдема, назван «...άνήρ καλός [κά]γαθός...», за то, что в трудные времена трудился для общего блага полиса («...κοινή [τή] πόλει τὰ **συμφέροντα** πράσσω[v] ...»), и проводил жизнь с усердным рвением и расположением («...διατελεί ἀπροφασίστως μετά [πά]σης **προθυμίας**

⁴⁸ Dihle A. Der Kanon der zwei Tugenden. Köln, Opladen, 1968. S. 12.

καὶ εὐνοίας...» – SEG XLII, 1019, 5-11). Далее следует формулировка, что таким образом народ платит благодарностью эвергетам. Фаний не увенчивается венком, но декрет в его честь устанавливается в храме Афродиты.

Примерно этим же временем датируется декрет из Халасарны, одной из общин острова Кос, в честь Диокла, сына Александра (SEG LIV, 745). По всей видимости, он был избран жрецом Геракла. В декрете говорится о том, что он совершил прекрасные жертвы, достойные его и предков. В этой формулировке проявляется аристократический идеал, гордость родом. А сам факт богатых жертв богу говорит о набожности человека. Далее говорится о том, что Диокл не воздержался ни от каких расходов и проявил доказательство своего рвения («...δηλόμενος ἀπόδειξιν ποιεῖσθαι τᾶς αὐτοῦ **προθυμίας**...» – стк. 7-8). За это народ восхваляет Диокла, проявляя свою благодарность за благодеяния («...τῶν **εὐεργετημάτων**...»). Постановлено Диокла увенчать за его доблесть и расположение («...ἀρετᾶς ἔνεκεν καὶ εὐνοίας...» – стк. 16-17). Формула эта очень напоминает формулу афинских декретов, с той лишь разницей, что вместо справедливости здесь стоит расположение, то есть лояльность к народу.

Следующая по хронологии надпись переносит нас уже во II в. до н.э. Это декрет из Хиоса, датируемый 189-188 гг. до н.э. К сожалению, его сохранность оставляет желать лучшего – имя почтённого гражданина оказалось утрачено, поскольку первые строки декрета не сохранились. Это была уже эпоха, когда римляне появились в Эгеиде – в декрете упоминаются римляне. По мнению Питера Сиднея Дэроу и Вильяма Георга Форреста, в декрете определённо говорится о празднестве в честь Рима, поездке почтённого анонима в Рим, прибытии римлян на Хиос и их временном пребывании на острове. Почтённый аноним принимал этих римлян – по мнению П.С. Дэроу и В.Г. Форреста, это были десять легатов, посланных к

Манлию Вульсону осенью 189 года (Pol. XXI, 24, 16-17)⁴⁹. Однако, по мнению издателей SEG, это были римские послы. Так или иначе, хиосский политик ездил в Рим в качестве посла и принимал римлян – в каком бы они качестве ни выступали, как военные или послы, это были представители римской Республики (SEG XXX, 1073, 9-12). Здесь мы видим свидетельство активного участия этого человека в дипломатической деятельности, его контактов с набиравшим силу Римом. Что особенно примечательно, в декрете написано, что почтённый «...написал (историю) рождения основателя Рима (Ромула и его брата) Рема...» («... [πε]ριέχον τῆς γενέσεως τοῦ κτίστου τῆς Ῥώ[μης] Ῥωμύλου καὶ τοῦ ἀδελφοῦ] αὐτοῦ Ῥέμου...» – стк. 25-27), согласно которой Ромул и Рем происходят от Ареса. Это уже ставит хиосского дипломата не только в ряд политической элиты, но и интеллектуальной. Что касается его качеств, то в декрете были выражены следующие. По возвращении из Рима он принял должность агонифета, проявив свою калокагатию (καλοκαγαθίαν – стк. 10) в исполнении должности. Он прекрасно и достойно полиса («...καλὸν καὶ ἄξιον τῆς πόλεως...» – стк. 18), а кроме того – справедливо («...δικαίως...» – стк. 22) провёл мусические агоны на празднике Панегирий, и что важно – украсил театр, что, несомненно, стоило ему немалых денег (стк. 17). Таким образом перед нами предстаёт эвергет, совершающий дипломатические поездки (скорее всего, за свой счёт), во время которых он старается на благо полиса, устанавливая полезные для полиса дипломатические связи, а дома не скупясь исполняет должностные обязанности, связанные с организацией столь важных для греческого полиса празднеств. Хиосский анонимный политик совершает выплаты Риму (стк. 25), жертвует тысячу александрийских драхм на алтарь Муз (стк. 31-36). И всё это он совершает, желая получить расположение и благодарность народа («...εὐνοίαν καὶ εὐχαριστίαν τοῦ δήμου...» – стк. 23).

⁴⁹ Derow P.S., Forrest W.G. An Inscription from Chios // The Annual of the British School at Athens. 1982. Vol. 77. P. 87-88.

Следующий декрет датируется издателями SEG 1-й половиной II в. до н.э., временем после 188 г. до н.э. Происходит он с острова Парос, был принят в честь Тимесия, сына Эпианакта (SEG XXXII, 825). В начале декрета говорится о том, что Тимесий совершил три посольства на Крит, касавшихся выплаты критянами ссуд, которые Парос им выдал. В результате этих поездок полис паросцев получил прибыль, за что Тимесий восхваляется и увенчивается (стк. 2-4). Далее начинается длинная формула, открывающаяся вводным союзом ἐπειδὴ. Эти строки содержат настолько концентрированное изложение качеств образцового гражданина, что считаю нужным привести эту формулу постановления полностью:

«ἐπειδὴ Τιμησιφῶν Ἐπιάνακτος ἀνὴρ ἀγαθὸς ὢν καὶ πατροπαράδοτον διὰ προγόνων παραλαβὼν τὴν πρὸς τὸν δῆμον εὖνοιαν διὰ παντὸς τοῦ βίου ταύτην αὖξων διατετέλεκεν καὶ λέγων καὶ πράττων ἐν παντὶ καιρῷ τὰ συμφέροντα τῇ πόλει, διακείμενός τε εὐσεβῶς μὲν πρὸς τοὺς θεοὺς, φιλοστοργῶς δὲ πρὸς τὴν πατρίδα, φιλαγάθως δὲ πρὸς τοὺς πολίτας ἔν τε ταῖς ἐπιμελείαις καὶ λειτουργίαις καὶ ἱερωσύναις καὶ ἀρχαῖς ταῖς ἐπισημοτάταις ὑγιῶς ἀνέστραπται καὶ ὀσίως καὶ δικαίως καὶ φιλαγάθως πρεσβεΐ[ας ἀναδεξάμενος ἐν τ]οῖς ἀναγκαιοτάτοις καιροῖς...» (стк. 5-12).

«Поскольку Тимесий, сын Эпианакта, являющийся мужем благородным и получивший унаследованное от предков расположение к народу, всю жизнь прожил, преумножая его (расположение к народу), говоря и делая полезное полису вовремя во всем, настроенный благочестиво к богам, любящий отечество, добродетельно к гражданам в заботах, литургиях, жречестве и должностях славнейших здраво поступил, и набожно, справедливо и добродетельно посольство взял на себя в необходимых обстоятельствах...».

Пожалуй, в этих семи строчках изложено едва ли не столько же качеств образцового гражданина, сколько содержится в 383-х строках декрета в честь Мосхиона.

Сначала в формуле указано, что Тимесий – муж благородный (хотя ἀγαθὸς здесь стоит без обычно сопутствующего ему καλός). Затем указывается его благородное происхождение (или, по крайней мере, древность рода) – это похоже на аристократический мотив, но в сочетании с демократическим (предки Тимесия были расположены к народу, лояльны, равно как и их потомок). Сам он, помимо этого, приносил пользу полису словом и делом. Тимесий благочестив, патриотичен, добродетелен. Что же касается исполнения общественных, государственных и священных обязанностей, то для их характеристики применено довольно необычное наречие, обычно не встречающееся в документах такого типа – «ὀυϊῶς», которое в англоязычном словаре Лиделла-Скотта и русскоязычных словарях Дворецкого и Вейсмана переводится как «здро, разумно»⁵⁰. Кроме того, исполнение им посольства было отмечено набожностью, справедливостью и добродетельностью – это довольно необычно, ведь, как правило, такие добродетели ожидаемы по отношению к своим согражданам, а не к чужеземцам. Возможно, он совершал посольство к союзным Паросу общинам, с которых нужно было вернуть деньги, не повредив при этом с ними отношений.

В целом в этой формуле выражены следующие качества – набожность, добродетель, лояльность к народу, патриотизм, умелость в ведении государственных дел (будь то посольство, магистратуры или жречество). Также заметен мотив возвеличения его рода, и «ἀγαθὸς» – это качество сложно поддаётся идентификации ввиду многогранности его значения.

Следующая надпись – первая из четырёх надписей, упомянутых во введении. Эти надписи объединяет то, что они являются яркими примерами почётных декретов в честь эвергетов, а также то, что они были созданы в

⁵⁰ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь / Репринт издания 1899. М, 1991. С. 1267; Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь / под ред. проф. С.И.Соболевского. Т. 2. М, 1958. С. 1660; Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon / Oxford, 1996. P. 1842.

Пергамском царстве. Самая ранняя из них, и, соответственно, первая – это декрет из Апамеи во Фригии, принятый в честь Кефисодора, сына Аристона (МАМА VI, 173). В надписи упоминаются царь Эвмен и его брат Аттал – это позволяет датировать надпись временем с 188 г. до н.э., когда Апамея перешла к Атталидам по условиям мира, заключенного в этом же полисе, по 159 г. до н.э., когда Аттал стал в документах обозначаться как царь, а не брат царя. Апамея, хотя и не являлась исконным греческим полисом, будучи старинным фригийским городом, всё же была важным центром Селевкидской державы – с персидских времён здесь находился царский дворец⁵¹. Постановление было принято советом. Вот как оно начинается: «...ἐπεὶ Κηφισόδωρος Ἀρίστωνος **ἀνὴρ** [ἐστὶν κ]αλὸς καὶ ἀγαθός...», далее говорится о том, что своей репутации он достиг за счёт славы предков и благодаря любви к добродетели (φιλαγαθία – стк. 1-3). В этих строках выражен аристократический идеал – калокагатия, благородное происхождение и благочестие. Далее говорится о том, что «он совершал доказательства его образа жизни» (ἀναστροφῆς) и «для народа совершал благодеяния» (εὐεργετήσας). В строках 8 и 9 приведена такая формула: «...ὕπερ τῶν κοινῶν **σπουδῆν** τε καὶ **φιλοτιμίαν** προσ[φερόμενος καὶ πράσσω]ν ἀεὶ τὰ συμφέροντα τῷ δήμῳ...» («...ради общественных интересов старательно и честолюбиво всегда приносящий пользу народу...»). Здесь встречается мотив общего блага, приводятся положительные качества, такие как честолюбивое рвение и усердие, σπουδή – последнее ещё не встречалось в лексике декретов. После этого начинается перечисление его заслуг. Будучи гимнасиархом, Кефисодор на свои средства поставил в гимнасии статуи царя Эвмена и его брата Аттала – как отмечает О.Ю. Климов в своём труде по истории Пергамского царства, это была демонстрация преданности династии, характеризующая Кефисодора как монархически настроенного деятеля⁵².

⁵¹ Cohen G.M. The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor Hellenistic Culture and Society. Oxford, Los Angeles, 1995. P. 281.

⁵² Климов О.Ю. Пергамское царство: проблемы истории и государственного устройства / отв. ред. Э.Д.Фролов. СПб, 2010. С. 234.

Кефисодор пожертвовал триста драхм в казну полиса, он расходовал хлеб воинам (по мнению О.Ю. Климова, это свидетельство того, что Апамея снабжала во время войны армию Пергама⁵³), в нуждах народа проявляет доказательство деяниями и расположением (εὖνοια – стк. 12-15). Кроме того Кефисодор жертвует тысячу драхм на гимнасий. В заключение следует постановление, что следует одобрить усердие и честолюбивое рвение («...σπουδῆν καὶ φιλοδοξίαν...») Кефисодора, и что народ являет благодарность эвергетам (стк. 18-20). Таков образ Кефисодора – щедрый жертвователь, верный подданный царя, усердный и исполненный честолюбивого рвения в благих деяниях.

Следующая надпись выделяется среди всех остальных – это декрет, вернее – два декрета на двух сторонах одной стелы, в честь Аполлония, сына Аттала (I. Metropolis). Первый декрет (обозначается как «декрет В») был принят ещё при жизни Аполлония. Второй декрет (обозначается как «декрет А»), как и декреты в честь Мосхиона и Менаса, относится к эпохе восстания Аристоника, когда Пергамское царство уже завершило своё существование. Происходит надпись из Метрополя, небольшого городка между Колофоном на севере и хорой Эфеса на юге⁵⁴. Оба декрета приняты советом. Первый датирован 15-м годом правления царя Аттала – по мнению издателей, речь идёт о 145/4 или 144/3 гг. до н.э., когда правил царь Аттал II (I. Metropolis B). Аполлонию, по приблизительным подсчётам, в это время было около 40 лет. Есть все основания полагать, что Аполлоний, сын Аттала, внук Андрона (в надписи указан не только патронимикон, но и имя деда, что достаточно редкий случай), принадлежал к знатной семье и имел доступ к царскому двору благодаря происхождению⁵⁵.

⁵³ Там же. С. 200.

⁵⁴ Die Inschriften von Metropolis. T. 1. Die Dekrete für Apollonios: Städtische Politik unter den Attaliden und im Konflikt zwischen Aristonikos und Rom / hrsg. B. Dreyer; H. Engelmann. München, 2003. S. 13.

⁵⁵ Ibid., S. 44-45.

В начале декрета говорится о том, что Аполлоний «...наилучшее воспитание получив в раннем возрасте...» («...**καλλίστης ἀγωγῆς** τετευχώς ἀπὸ τῆς πρώτης ἡλικίας...» – стк. 5), и заявивший о своей принадлежности к лучшим состязается «в доблести во всём трудолюбиво» («...ἀμιλλᾶσθαι πρὸς **ἀρετὴν** ἐν ἅπασιν **φιλοπόνως**...» – стк. 6), подчиняет свою жизнь дисциплине («...εὐταξίας...» – стк. 6), благодаря чему он приобрёл у граждан славу, а в других полисах доставил честь отечеству. Здесь отмечается образованность Аполлония, его причастность к элитарному образованию – *παιδεία*.

Фраза «состязаться в доблести» («...ἀμιλλᾶσθαι πρὸς **ἀρετὴν**...») выражает идею агональности, о чём будет сказано подробнее в заключении следующей главы.

Вместе с соревнованием в доблести из положительных качеств также указаны трудолюбие (в форме наречия – *φιλοπόνως*) и дисциплина (*εὐταξία*), что рисует очень идеализированный образ трудолюбивой и дисциплинированной добродетели. Такого яркого образа в других надписях, пожалуй, не встречается. Но, возможно, что этот образ не был формальным, простым преувеличением достоинств почтённой персоны – во втором декрете будет сказано, что Аполлоний возглавил военный отряд граждан Метрополя и пал на поле брани. Вероятно, что командование было поручено человеку знакомому с военной дисциплиной, физически подготовленному и обладающему изрядной долей отваги. Немаловажно также и то, что Аполлоний погиб в бою, а не бежал – выжившие в сражении метрополиты должны были возвестить согражданам о его доблести. Зная о героизме Аполлония, граждане приняли декрет. Об этом ещё будет сказано ниже.

Но до своего командования и гибели Аполлоний проявлял себя как типичный эвергет: он исполнял литургии (стк. 11); давал деньги (полису) сверх положенного, даже когда сам находился в нужде (стк. 11); совершал посольства к царям и к «другим» (стк. 12-13). Всё это Аполлоний совершал «...μετὰ πάσης ἐκτενείας, σπουδῆς καὶ φιλοτιμίας οὐδὲν ἐλλείπων...» («...so

всем рвением, усердием и честолюбивым стремлением, ничего не упуская...» – стк. 13). Примечательно употребление в этом смысловом ряду *σπουδή* и *ἐκτένεια*, практически являющихся синонимами. Оба эти слова в сочетании с *φιλοτιμία*, рвением с оттенком честолюбивого соревнования, обозначают усердие и рвение. Вместе все три слова создают образ гиперболизированного рвения Аполлония в исполнении государственных дел (а именно – в совершении посольств).

Далее следует пассаж о роли Аполлония в разрешении конфликта (с кем-то из соседних полисов), связанного с взиманием податей в гавани в устье реки Каистр, через которую у полиса был выход к морю. Не останавливаясь на подробностях дела⁵⁶, перейду к характеристике действий Аполлония при разрешении этого конфликта. В декрете она выражена так: «...ἐπρωταγωνίστει προσφερόμενος τὴν ἐξ ἑαυτοῦ **φιλοπονίαν** καὶ **σπουδὴν**...» («...играл первую роль, предлагая со своей стороны трудолюбие и старание...» – стк. 15-16). Очень примечательно употребление глагола «*πρωταγωνιστέω*», «играть первую роль» – это слово не встречается в других рассматриваемых декретах и в принципе не относится к бюрократическому лексикону декретов. Остаётся предполагать, что составитель текста декрета был творческой личностью и не желал писать в сухом бюрократическом стиле. Но всё же главное – это то, что отмечаются трудолюбие и старание Аполлония, после чего говорится, что он не поменял общественную пользу на частную. В конце пассажа про решение конфликта со взиманием пошлин в гавани отмечается, что Аполлоний принимал участие в споре, соблюдая человеколюбие (*φιλανθρωπία* – стк. 23).

Аполлоний, сын Аттала, пользуясь своими связями при дворе, добился у царя, чтобы из царской казны выделялись ежегодные субсидии по 500 драхм на масло для занятий юношей в гимнасии и на науки (*τὰ μαθήματα*) для всех свободных граждан (возможно речь идёт о преподавании

⁵⁶ Подробнее см.: Die Inschriften von Metropolis. T. 1. S. 50-57.

философии и риторики в гимнасии – стк. 23-27). Перед нами явственно предстаёт важное качество Аполлония как эвергета – его связи с царским двором и умение благодаря этому добиваться благ для родного полиса.

Ниже строки декрета оказались испорчены с левой стороны, так что точный смысл дошедших строк остаётся не полностью понятным. В этой части снова встречается «...ἀμιλλᾶσθαι πρὸς ἀρετῆν...» (стк. 33), состязание в доблести – по всей видимости, говорится о том, что остальные граждане стали бы состязаться в доблести, видя, что народ выражает благодарность таким гражданам. Далее следует заключение – псефизма должна быть зачитана в театре, а глашатай должен возвестить о даровании венков Аполлонию, а Аполлоний должен совершить жертвоприношения Аресу.

Фигура Ареса символична, ведь в следующем декрете, посвящённом Аполлонию, сыну Аттала, внуку Андрона (декрет «А»), говорится о его участии в войне с Аристоником и храброй гибели на поле боя. Декрет был принят в 131 или в 130 году, вскоре после гибели этого храброго мужа, спустя 12-15 лет после принятия первого декрета. В нём говорится о том, что народ утвердил Аполлония в должности гегемона, когда Аристоник осадил царство, и народом было принято решение послать юношей (νεανίσκοι) в лагерь в Фиатире (Φυάτειρα στρατοπεδείαν – стк. 20). Над этими юношами Аполлоний и принял командование. Примечательно, что решение об отправке контингента граждан и утверждение Аполлония в должности гегемона принимает народ, при том что почётные декреты принимает совет – вопросы такой важности не могли решаться без согласия коллектива граждан. Возвращаясь к походу метрополитов – лагерь в Фиатире возглавлялся римскими офицерами (их имена: Πόπλιον, Γάιον, Πάπιον), это говорит о том, что это был лагерь римского легиона. Ниже говорится что он поддерживал дисциплину среди юношей (...κατά τοῦ νεανίσκου εὐταξίαν παρέσχεν... – стк. 27-28). Это примечательно, так как дисциплина указана в первом декрете среди качеств Аполлония. Очевидно, что его

самодисциплина позволила ему быть хорошим командующим, умеющим поддерживать дисциплину и среди подчинённых. Определённо, метрополиты знали достоинства того, кого назначали гегемоном. Вслед за этим приводится описание поведения Аполлония в бою: «Сообразно его мужеству (...καθ' ἑαυτὸν εὐψυχίαν...) со всеми окружающими и подчинёнными славно содейл, и нисколько не отклонившийся от грядущего ему боя с противниками, сохранил своих юношей, явив доблесть и славу наших предков (...προγόνους ἡμῶν ἀρετήν τε καὶ δόξαν...) в военных делах» (стк. 28-30). В этом фрагменте выделяются мужество (εὐψυχία) Аполлония, его умелое командование (он сохранил жизни юношей), соответствие доблести и славе прежних поколений метрополитов. По мнению издателей, Аполлоний возглавил контингент граждан младше 30-ти лет, который присоединился в качестве вспомогательного отряда к войску консула П. Лициния Красса Муциана, который был разбит в сражении Аристонином⁵⁷.

В самом начале декрета, после вводного ἐλείδῃ перечисляются достоинства Аполлония – он оказывал всякое старание (σπουδή) ради дел полиса, не уклонялся ни опасностей, ни бед, доказал расположение (εὖνοια) к отечеству в необходимых обстоятельствах (стк. 3-7). Ниже следует другая характеристика Аполлония: «...справедливо и со всем рвением, как и должно прекрасному и доблестному мужу, показавшему себя самого попечителем и помощником полиса...» («...δικαίως καὶ μετὰ πάσης ἐκτενείας, καὶ ὡς ἦν καθῆκον ἀνδρὶ καλῶι καὶ αγαθῶι ἀναδεδειχότι εαυτὸν κηδεμόνα καὶ βοιηθὸν τῆς πόλεως...» – стк. 8-9). В этих двух строках выражены понятия рвение (ἐκτένεια), справедливость, идеал калокагатии, которому Аполлоний соответствует и который сопровождается понятием «καθῆκον», «надлежащий поступок, должное». Как пишет С.Л. Утченко в статье, посвящённой трактату Цицерона «Об обязанностях», καθῆκον связано с философией Средней Стои (которая как раз переживала расцвет в ту эпоху, на которую

⁵⁷ Ibid., S. 35, 78-79, 90.

пришлась жизнь Аполлония) – «должное» находится между благими действиями и пороком, равно как между блаженным (мудрецом) и порочным человеком находится человек стремящийся (προκόπτων). Эту идею, по всей видимости, развивал Панетий Родосский (его годы жизни пришлись примерно на 180-110 гг. до н.э.) в сочинении «Περὶ τοῦ καθήκοντος»⁵⁸. В других разобранных в рамках этой работы надписях καθήκον больше не встретится, что указывает на уникальность декретов в честь Аполлония, сына Аттала, на связь их лексики с философией.

В строках 12-13 снова указывается калокагатия Аполлония: «...ἐδήλωσεν... τὴν παρακολουθοῦσαν τῷ ἀνδρὶ παρ' ὅλον τὸν βίον ἀρετὴν τε καὶ **καλοκαγαθίαν**...» («...доказал/показано следование мужем доблести и калокагатии в течение всей жизни...»). На постаменте статуи Аполлония постановлено высечь следующие слова (стк. 38-40): «Народ – Аполлонию, сыну Аттала, внуку Андрона, по причине храбрости (ἀρετῆς) и благоволения (εὐνοίας), в котором пребывал у Римской Республики и полиса». Ниже говорится, что Аполлоний, «...явившийся среди всех благородный муж (ἀνὴρ ἀγαθός), в счастливый для народа час...» (стк. 44-45). В заключительной формуле цели почтения говорится о том, что эта псефизма принята для того, чтобы остальным была известна «...склонность народа, которую [народ] имеет к прекрасным и доблестным из мужей, которые бы обращались к доблести...» («...Δήμου αἴρεσιν ἣν ἔχει πρὸς τοὺς **καλοὺς καὶ ἀγαθοὺς** τῶν ἀνδρῶν τρεπῶνται καὶ αὐτοὶ πρὸς **ἀρετὴν**...» – стк. 46-47). Здесь мы снова встречаем мотив калокагатии и доблести (ἀρετή), в которой Аполлоний состязался, как сказано в 6 строке декрета «В».

В заключение стоит отметить, что несовершеннолетним (в декрете сказано «...пока они не станут говорящими за себя...») сыновьям Аполлония – Атталу и Агесандру – постановлено дать средства на издержки, связанные с

⁵⁸ Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / под ред. В.О. Горенштейна, М.Е. Грабарь-Пассек, С.Л. Утченко. М., 1974. С. 168-169.

почтением их отца (по всей видимости – на статую), чтобы отблагодарить их за «...благоволение к народу и любовь к отцу...» («...πρὸς τὸν Δῆμον εὐνοίαι καὶ τῆι πρὸς τὸν πατέρα φιλοστοργίαι...» – стк. 41-42). Удивительно, что несовершеннолетние дети могли проявлять расположение к народу, но, возможно дети могли исполнять магистратуры (об этом будет сказано ниже).

Текст второго декрета («А») исполнен мотивами ἀρετή и калокагатии. Поскольку он был принят в честь военных подвигов Аполлония и его храброй гибели на поле брани, создаётся впечатление, что ἀρετή в тексте выражает своё исконное значение – военную доблесть, а калокагатия выражает аристократический идеал. Аполлоний, сын Аттала, охарактеризованный этими понятиями, почти подобен героям гомеровского эпоса – к этому идеалу стремились аристократы эпохи архаики. При этом Аполлоний среди остальных эвергетов Пергамского царства (Кефисодора, Мосхиона и Менаса) выглядит реликтовым исключением – его ἀρετή была доблестью военной, а ἀρετή остальных эвергетов (как будет показано на примере оставшихся двух надписей) была доблестью богача, жертвующего на благо полиса не свою жизнь, а свои деньги.

В первом декрете («В») больше подчёркивается дисциплина (εὐταξία) Аполлония, которую он затем привил воинам, находившимся под его командованием, а также его необычайное рвение, выраженное тремя терминами (σπουδή, ἐκτένεια, φιλοτιμία).

Что особенно интересно – в надписи не встречается ни одного термина, связанного с набожностью. Справедливость упоминается только один раз и не является ключевым словом лексики этих декретов. Это также является значительным отступлением от канонов написания почётных декретов.

Следующий декрет более типичен для своего жанра. Его даже следовало бы назвать образцовым. Это декрет в честь Менаса, сына Менета,

принятый в 133-120 гг. до н.э. советом и народным собранием полиса Сест (OGIS 339). Деятельность этого эвергета пришлась на годы восстания Аристоника. Сам претендент на трон Пергама в районе Геллеспонта не появлялся, однако Сесту пришлось столкнуться с вторжением фракийцев в это время (стк. 17). Менас в это тяжёлое время, как говорится в надписи, убедил Стратона, стратега Херсонеса и фракийских местностей, «стать полезным для полиса» (стк. 15). По мнению издателя, Вильгельма Диттенбергера, эти строки подразумевают, что город Сест получил от Стратона военную защиту. В таком случае умение Менаса вести переговоры спасло полис от возможной гибели. Несколькими строками ниже говорится о том, что Менас принимал римских послов и стратегов, посланных в Азию (стк. 20-22). А в самом начале декрета сказано, что Менас в своих посольствах, предпринятых на свои деньги и на благо полиса, не уклонился ни мучения, ни опасности, не посчитался с возможной гибелью («...οὔτε κακοπαθία[ν κ]αὶ κίνδυνον ἐκκλίνων οὔτε τὴν ἀπαντωμένην καταφθορὰν τῶν ἰδίων τοῖς ὑπὲρ τῆς πόλεως πρεσβεύουσιν ὑπολογιζόμενος...») – стк. 4-6). Кроме уже встречавшейся в других декретах формулы «не уклонился ни мучения, ни опасности», весьма характеризующей деятельность посла в ту эпоху, важен тот факт, что в формуле мотива дарования почести (ἐλεῖδι) как одно из главных достижений указана дипломатическая деятельность Менаса. Итак, Менас в своей первой ипостаси – успешный дипломат.

Вторая его ипостась – гимнасиарх. Как отметил классик эллинистической историографии У. Гарн, должность гимнасиарха была обременительной⁵⁹. Так что эта магистратура была хорошим полем деятельности для эвергета. Менас был избран гимнасиархом дважды (стк. 30-31, 53-54). В первую свою гимнасиархию он воздвиг баню и ещё одно строение, установил мраморную статую, добавив «недостаток» (стк. 33-35). Надо полагать, на строительство в гимнасии были выделены деньги из

⁵⁹ Гарн В. Эллинистическая цивилизация/ пер. с англ. С.А. Ляковского. М., 1949. С. 103.

полисной казны, но их не хватало, так что недостающую сумму пришлось возместить Менасу, и очень вероятно, что этот недостаток составлял львиную долю стоимости строительных работ. Кроме бани, Менас в свою гимнасиархию построил бассейны для эфебов и юношей. Он проводил состязания по метанию копья и стрельбе из лука, обеспечив агонистов маслом для натираний (стк. 36-38). Этот сюжет, кстати, ценен для понимания реалий предыдущей надписи, в честь Аполлония – он возглавлял «юношей» Метрополя, то есть полисное ополчение. Ополчение можно было отправить на войну лишь в том случае, если граждане умели сражаться. Военные дисциплины в гимнасии Сеста – метание копья и стрельба из лука – свидетельствуют о том, что в эллинистических полисах Малой Азии осуществлялась военная подготовка молодых людей в гимнасиях (юношей готовили именно к войне, а не к агонам, иначе в декрете было бы указано метание диска вместо стрельбы из лука). Даже если это касалось не всех граждан, то, по крайней мере, юношей из состоятельных семей.

Вторая гимнасиархия Менаса пришлась на время фракийских вторжений. Как указано в надписи, это продолжалось в течение долгого времени, в результате вражеских набегов погиб весь урожай, а сделать новые посевы на полях было невозможно. В итоге Сест лишился своего хлеба (54-57). По всей видимости, в полисе был голод, или же нависла его угроза. В этих обстоятельствах Менас, исполнявший параллельно и должность посла, в свободное от дипломатии время принёс жертвы Гермесу и Гераклу (они почитались в гимнасиях как боги-покровители кифаредов и гимнастов) за спасение народа и юношей, после чего были устроены состязания в беге, метании копья и стрельбе из лука – по завершении состязаний была произведена раздача жертвенного мяса, причём не только победителям и участникам состязаний, но и всем гражданам, а также ксенам (стк. 60-66). Тот факт, что это событие указано в почётном декрете, говорит о том, что эта раздача жертвенного мяса (надо полагать, масштабная, если хватило всем – и

гражданам, и ксенам) спасла население полиса от голода, хотя бы на какое-то время.

Третья ипостась Менаса – жрец царского культа. В строках 26-27 говорится о том что, он был избран жрецом царя Аттала. Как отмечает по этому поводу О.Ю. Климов, политическую деятельность Менаса отличает промонархический характер⁶⁰.

Кроме того, Менас исполнял и другую магистратуру, связанную с чеканкой монеты, и другие литургии – всё это происходило в промежутке между двумя его гимнасиархиями (стк. 43-51).

В тексте декрета не указаны денежные суммы, которые Менас выделял на благо города, но в одном месте прямо говорится, что благодеяния были разорительными: «...πᾶσαν ὑπομείνας φιλαγάθω[ς] τὴν ἐν τοῖς δαπανωμένοις χορηγίαν...» («во всех разорительных хорегиях оставшийся любящим добродетель» – стк. 27-28). В начале декрета Менас также хвалится за свою щедрость как «...ни расходов, ни хорегии не уклонившийся...» («...οὔτε δαπάνης καὶ χορηγίας οὐδεμιᾶς φειδόμενος...» – стк 4).

Лексика декрета и выраженные в нём понятия образцового гражданина более стандартны, нежели в декрете в честь Аполлония, сына Аттала. В формуле мотива (ἐλπίδῃ) указано, что Менас, сын Менета «...с первых лет жизни действует, считая, что прекраснейшее – польза отечеству...» («...ἐκ τῆς πρώτης ἡλικίας κάλλιστον ἠγησάμενος εἶναι τὸ [τῆι πατρ]ίδι χρήσι[μο]ν...» – стк. 2-3). Здесь снова возникает мотив «ἐκ τῆς πρώτης ἡλικίας», указание на славные деяния почтенной персоны с юных лет, которое уже встречалось в декрете в честь Аполлония. К этому добавляется категория общественного блага. В формуле цели почтения, ближе к концу декрета, этот мотив повторяется:

⁶⁰ Климов О.Ю. Пергамское царство. С. 234.

«ἵνα οὖν καὶ ὁ δῆμος φαίνεται τοὺς **καλοὺς καὶ ἀγαθοὺς** τῶν ἀνδρῶν τιμῶν καὶ **τοὺς ἀπὸ τῆς πρώτης ἡλικίας φιλοτίμους** γινομένους περὶ τὰ κοινὰ καὶ **φιλοδοξεῖν** προαιρουμένους ἀποδεχόμενος καὶ ἐν χάριτος [ἀ]ποδόσει μὴ λείπηται» (стк. 86-89).

«Чтобы народ оказался почитающим прекрасных и благородных мужей, уважаемых с первых лет жизни, ставших честолюбивыми для общины и предпочитающих домогаться славы, и не опоздал в благодарной уплате».

В этой формуле содержатся идеал калокагатии, мотив деяний «с первых лет жизни» и идея честолюбивого рвения. Следующие строки не менее интересны:

«...θεωροῦντές τε καὶ οἱ λοιποὶ **τὰς περιγυνομένας τιμὰς ἐκ τοῦ δήμου** τοῖς **καλοῖς καὶ ἀγαθοῖς**, ζηλωταὶ μὲν τῶν καλλίστων γίνονται, προτρέπωνται δὲ πρὸς **ἀρετήν**, ἐπαύξεται δὲ τὰ κοινὰ παρορμωμένων πάντων πρὸς τὸ **φιλοδοξεῖν** καὶ περιποιούντων ἀεὶ τι τῇ πατρίδι τῶν καλῶν» (стк. 89-92).

«...(когда) остальные видят почести, исходящие от народа, прекрасным и благородным мужам, (тогда каждый из граждан) ревностно стремится стать одним из прекраснейших, побуждает к доблести, преумножает государство, поощряя всех к честолюбивому рвению и всегда приобретая для отечества прекрасное».

Здесь снова встречаются идеал калокагатии, качество честолюбивого рвения, к которым добавляется доблесть.

В декрете неоднократно встречаются категории рвения и старания: ἐκτένεια – рвение (стк. 7, 40), σπουδή – усердие (стк. 8), также по отношению к Менасу применён эпитет φίλοςπυδος – усердный (стк. 39).

В строке 27 Менас назван любящим добродетель (φιλάγαθος). Это качество соотносится с усердием, указанным как другое его качество, а также

с характеристикой его деятельности на посту гимнасиарха – в строках 38-39 про Менаса сказано: «побуждающий юношей к упражнениям и трудолюбию» («...προτρεπόμενος εἰς **ἄσκησιν** καὶ **φιλοπονίαν** τοὺς νέους...»). В строках 70-72 говорится, что Менас исполнял должность гимнасиарха, «...побуждая юношей своим честолюбивым рвением к упражнениям и трудолюбию, благодаря которым души юных, состязаясь в мужестве, прекрасно проводят жизнь в доблести...» («...προτρεπόμενος δὲ διὰ τῆς τοιαύτης **φιλοδοξία**[ς] πρὸς **ἄσκησιν** καὶ **φιλοπονίαν** τοὺς νέους, ἐξ ὧν αἱ τῶν νεωτέρων ψυχαὶ πρὸς **ἀνδρείαν** ἀμιλλώμεναι καλῶς ἄγονται τοῖς ἡθεσιν πρὸς **ἀρετήν**...»). Соответственно, Менас прививал юношам ту добродетель, которой обладал и сам.

В начале последнего отрывка (стк. 70) упоминается φιλοδοξία, честолюбивое рвение. Кроме этого места φιλοδοξία встречается в 88 строке и в 98 как инфинитив φιλοδοξεῖν, а вместе с ним часто употребляется синоним φιλοτιμία (стк. 33, 49, 87-88). Не обошёл стороной автор псефизмы (Менандр, сын Аполла) и справедливость Менаса – в декрете упомянута справедливость, δικαιοσύνη (стк. 48-49), и наречие δικαίως (стк. 53). Последнее – наречие, встречается в рамках примечательной формулы:

«...βουλόμενος στοιχεῖν τοῖς ὑφ' ἑαυτοῦ πρασσομένοις καὶ κατὰ μηθὲν ἐνλείπειν τῆι πρὸς τὸ πλῆθος **εὐνοίαι**, φυλάσσειν δὲ **ὀρθῶς** καὶ **δικαίως** τὰς ἐνχειριζόμενας αὐτῶι πίστεις...» (стк. 51-53).

«...желая следовать своим деяниям и ничего не упустить для благоволения большинства, исполнить правдиво и справедливо...».

В этом отрывке указывается лояльность (εὐνοία) Менаса народу, причём народ назван «большинство», πλῆθος. Это ещё один маркер отделения полисных элит от народа, который указан как «большинство», очевидно, в противовес богатому и знатному меньшинству. О том, что «πλῆθος» это народ, можно с говорить уверенностью, потому как во всех остальных декретах эвергет оказывает своё расположение, εὐνοία, народу.

Вместе с тем этот отрывок примечателен тем, что наречие *δικαίως* (справедливо) подкреплено другим, схожим по смыслу – *ὀρθῶς* (правдиво). Фраза «*στοιχεῖν τοῖς ὑφ’ ἑαυτοῦ πρασσομένοις*» («следовать своим деяниям») не является морально-нравственной категорией, но интересна тем, что по всей видимости, она была популярной в ту эпоху, поскольку встречается в декрете в честь Мосхиона, хотя и в другом виде: «*...στοιχεῖν ἑαυτῶι προαι[ρ]οῦμενο[ς]...*» («...предпочитающий следовать себе...»); I. Priene 108).

Не была обойдена стороной и набожность Менаса – в тексте говорится, что, будучи во главе гимнасия, Менас приносил жертвы богам «...добродетельно и великолепно...» («*...φιλαγάθως καὶ μεγαλομερῶς...*» – стк. 68). Здесь во второй раз встречается понятие «*φιλαγάθως*», но уже по отношению к богам, что практически равнозначно «*εὐσέβεια*».

Ещё одно качество Менаса – *φιλανθρωπία*, человеколюбие, которое он проявлял по отношению к ксенам и слушателям (или аудитории – по всей видимости, имеются в виду посетители гимнасия, в котором могли читаться публичные лекции). Отмечается и его забота (*ἐπιμέλεια*) о полисных делах (стк. 48).

В постановлении приводятся два текста. Первый текст должен был зачитать глашатай на церемонии увенчания венком:

«ὁ δῆμος στεφανοῖ Μηνᾶν Μένητος γυμνασιάρχησαντα δις **καλῶς** κα[ὶ] **φιλοδόξως ἀρετῆς** ἕνεκεν καὶ **εὐνοίας** τῆς εἰς ἑαυτόν» (стк. 97-98).

«Народ – венки Менасу, сыну Менета, дважды бывшему гимнасиархом прекрасно и честолюбиво, ради его доблести и благоволения к нему».

Второй текст должен был быть начертан на постаменте статуи, установленной в гимнасии:

«ὁ δῆμος καὶ οἱ νέοι Μηναῖν Μένητος γυμνασιάρχῆσαν[τ]α δις καλῶς καὶ φιλοδόξως καὶ ἀγαθὸν ἄνδρα γεγονότα περὶ τὸν δῆμον» (стк. 99-100).

«Народ и юноши – Менасу, сыну Менета, дважды бывшему гимнасиархом прекрасно и честолюбиво, являющемуся мужем благородным по отношению к народу».

В обоих текстах деятельность Менаса охарактеризована эпитетом «прекрасно», отмечено его честолюбивое рвение. Различия заключаются в том, что в речи глашатая указывается его доблесть, а на постаменте статуи – благородство. «Благородство по отношению к народу» в надписи на постаменте похоже по употреблению на εὖνοια.

Таков образ Менаса, сына Менета в декрете, принятом в честь него. В речи глашатая и на постаменте статуи он почтён как гимнасиарх, но в декрете он упомянут в первую очередь как дипломат, убедивший стратега помочь Сесту и принимавший римских военачальников и послов. Он был щедрым эвергетом, не скупился на расходы, связанные с заведением гимнасием, накормил всё население полиса во время голода (что, определённо, было связано с очень большими расходами). Менас также заботился о подрастающем поколении, прививая юношам любовь к упражнениям, трудолюбие, честолюбивое рвение, доблесть и мужество. Неоднократно говорится о его усердии.

Следующий декрет, который будет последним в данном обзоре, можно считать каноническим для почётных декретов в честь эвергетов, а почтённого в нём гражданина – образцовым эвергетом. Это декрет в честь Мосхиона, сына Кидима, принятый Советом и Народным собранием полиса Приена в промежутке между 129-100 гг. до н.э. (I. Priene 108). Приена была независимым полисом, сохранившим свой суверенитет, хотя без влияния пергамских царей полисная политика всё же не обходилась.

Почётный декрет в честь Мосхиона очень просторен – его 383 строки были записаны на восьми стелах. Это соответствует тенденции, о которой пишет У. Тарн – почётные декреты к I в. до н.э. стали многословны. Это явление классик эллинизма связывает с упадком независимости полисов, в результате чего вместо значительных достижений человека приходилось, как пример, расписывать количество гостей на его свадьбе⁶¹. Мосхину, сыну Кидима, конечно, было за что быть почётным, но всё же декрет в его честь можно считать примером тенденции, которую У. Тарн считал симптомом вырождения почётного декрета – огромный по сравнению с другими надписями объём, значительная часть которого занята перечислением того, сколько денег и по какому поводу Мосхион пожертвовал полису.

Хотя почётный декрет в честь Мосхиона является классическим и образцовым для такого жанра декретов, как и сам Мосхион является классическим эвергетом, всё же следует отметить, что Мосхион предстаёт в тексте этого декрета гиперболизированным богачом. Его финансовый вклад в благополучие полиса и связь с деньгами словно нарочно выставляются напоказ, контрастируя в этом с почётными декретами в честь Кефисодора, Аполлония и Менаса. Мосхион, зачастую вместе с братом Афинополидом, по разным поводам жертвовал полису денежные суммы (как правило, размером в тысячу александрийских драхм) – по одним только сохранившимся частям текста (четверть которого не сохранилась) можно установить путём подсчёта, что Мосхион (вместе с братом) пожертвовал 11658 александрийских драхм: в первом случае, при стефанофоре Телоне Мосхион восполнил недостаток полисных финансов, внося вместе с братом 1000 драхм в качестве налога (стк. 31-34); затем он дал 300 драхм на строительство здания – по всей видимости, это связано с упоминаемым шестью строками выше гимнасием (стк. 35-41); во время снова случившейся при стефанофоре Ипполите нужды Мосхион пожертвовал 1000 драхм (стк.

⁶¹ Тарн В. Эллинистическая цивилизация/ пер. с англ. С.А. Ляковского. М., 1949. С. 114-97.

50-54); потом он вместе с братом раздал 1000 драхм от имени своей матери (стк. 63-67); затем, при стефанофоре Героде в полисе случился недостаток хлеба, и Мосхион пожертвовал 1000 драхм (стк. 75-79); при стефанофоре Кекропе Мосхион возместил недостаток полисных финансов на 1000 драхм и обеспечил залог для займов на 4000 драхм – итого 5000 (стк. 89-97); при стефанофоре Сотне Мосхион с братом уплатил проценты «ионийцам» в размере 1158 драхм (и 40 оболлов), и в тот же год ещё пожертвовал 1200 драхм на зерно (стк. 102-111).

Финансовый эвергетизм – не единственная сторона деятельности Мосхиона. Кроме щедрых пожертвований он также исполнял посольства. В плохо сохранившейся части декрета упомянуто посольство Мосхиона к римлянам (стк. 143-145). Затем он был избран послом к царю Деметрию. По всей видимости, речь идёт о царе Деметрии II Никаторе из династии Селевкидов – указано его происхождение от Деметрия (очевидно, это Деметрий I Сотер). Его годы жизни и правления совпадают с временем активной гражданской деятельности Мосхиона. Как отмечает О.Ю. Климов, Мосхиона избрали по той причине, что он исполнял эту должность безвозмездно⁶². В декрете сказано: «...ему полис деньги на припасы не обеспечил...» («...τῆς πόλεως αὐτῶ[ι σ]ιτηρέσιον οὐκ ἔλαβ[εν...]» – стк. 154-155). Таким образом, дипломатическая деятельность Мосхиона основывалась на крепком материальном достатке этого гражданина. Мосхион исполнял посольства в Магнесию, Траллы и Кибиру (стк. 159-160), в Александрию к царю Птолемею и даже в Аравию – в Петру (стк. 167-168).

Восстание Аристоника не обошло Приену стороной – как говорится в декрете, полис был осаждён. Хотя Мосхион и не принял участие в защите родного города так, как это сделал Аполлоний – с оружием в руках, всё же он в эти тяжёлые времена постарался на благо Приены. В стефанофорию

⁶² Климов О.Ю. Полисный строй и демократия в городах Малой Азии эпохи эллинизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. СПб, 2010. №1. С. 44.

Навсикрата, на которую пришлась осада полиса силами мятежного претендента на престол, Мосхион был секретарём-счетоводом (ἀντιγραφεύς) и в течение осады он совершал подсчёты, чем помог народу (стк. 212-217). По всей видимости, речь идёт о распределении продовольствия. За это он был переизбран в следующем году – в это же время он совершил посольскую миссию к консулу Марку Перперне, чтобы поздравить его с победой над Аристоником. По возвращении Мосхион был почтён как посол (стк. 218-230).

Но самая важная из магистратур, которые Мосхион занимал – это стефанофория. Это была эпонимная магистратура – по имени стефанофора назывался год, хотя изначально эпонимным магистратом в Приене был притан⁶³. О стефанофории Мосхиона говорится в строке 263. Кроме того, декрет в честь Мосхиона был принят в год стефанофории Мосхиона – на это указывает формула датировки («...[ἐπὶ στεφανηφό]ρου Μοσχίωνος...» – стк. 1), и это была вторая стефанофория, о которой мы знаем из дошедших частей теста.

Величина декрета в честь Мосхиона такова, что в нём изложено множество положительных качеств, которые сложно систематизировать все вместе. Поэтому сначала будут приведены формула мотива дарования почести и текст на постаменте статуи.

Формула мотива такова:

«ἐ]πειδὴ Μοσχίων Κυδίου γεγωνὼς ἀπὸ τῆς πρ[ώτης ἡλικίας ἀ]γῆρ κα[λ]ὸς καὶ ἀγαθὸς καὶ βεβιωκὼς εὐσ[εβῶς με]ν πρὸς θεοῦς, ὁ[σ]ίως δὲ πρὸς τοὺς γονεῖς καὶ τοῦ[ς]συμ]β[ι]οῦντας ἐν οἰκ[ε]ιότητι καὶ χρήσει καὶ τοὺς λοιπο[ύς] πολίτας πάντας, δικαίως δὲ καὶ φιλοδόξως προσε[νη ν]εγμένος τῆι πατρίδι καὶ καταξίως τῆς τῶν πρ[ογόνων] ἀρετῆς τε καὶ δόξης, διαμαρ[τ]υρουμένην ἐσχηκ[ὼς διὰ παν]τὸς τοῦ βίου τὴν παρὰ τῶν θεῶν εὐμένεια[ν] κα[ὶ τὴν παρὰ τ]ῶν

⁶³ Dmitriev S. City Government... P. 83.

[σ]υμπολιτευομένων καὶ τῶν κατοικοῦ[ντων εὖνοια]ν ἐπὶ τοῖς κατὰ τὸ κάλλιστον πρασσο[μένοις]» (стк. 13-23).

«Поскольку Мосхион, сын Кидима, являющийся с ранних лет мужем прекрасным и доблестным и проживший жизнь благочестиво по отношению к богам и почтительно к родителям и живущим с ним в родстве, ссужал деньги всем остальным гражданам, справедливо и честолюбиво принесший отечеству достойно доблести предков и их славы, имея засвидетельствованное в течение всей жизни благоволение богов и любовь сограждан и других жителей за свершённые прекрасные деяния».

В этих строках отмечается деятельность Мосхиона «с первых лет». С. Дмитриев отмечает, что подобные указания в почётных декретах свидетельствуют об участии знатных юношей в исполнении полисных магистратур ещё с детских лет, и в надписях этот мотив появляется к концу II в. до н.э.⁶⁴. Намёк на это встречается в посмертном декрете в честь Аполлония, сына Аттала, касательно его сыновей. Отмечена калокагатия Мосхиона, благочестие (εὐσέβεια) к богам, на которое боги отвечают своим благоволением (εὐμένεια), и почтительность (ὀσιότης – также переводится как «благочестие» в религиозном смысле) к родителям и домочадцам, справедливость и честолюбивое рвение. Доблесть и слава предков Мосхиона, указанные в тексте, выражают аристократический идеал.

Надпись на постаменте статуи Мосхиона сообщает:

«ὁ δῆμος Μοσχίωνα Κυδίμου ἀρετῆς ἕνεκεν καὶ εὖνοίας καὶ καλοκάγαθίας καὶ φιλοδοξίας τῆς εἰς ἑαυτὸν καὶ εὐσεβείας τῆς εἰς τοὺς θεοὺς» (стк. 326-328).

«Народ – Мосхиону, сыну Кидима, ради его доблести, благоволения (к народу), калокагатии, честолюбивого рвения в отношении себя и благочестия к богам».

⁶⁴ Ibid., P. 290-291.

В этом тексте снова выражается мотив калокагатии, набожности и честолюбивого рвения. Вдобавок подчёркиваются доблесть и лояльность полисному коллективу. Калокагатия будет снова упомянута десятью строками ниже, где Мосхион назван «καλὸς καὶ ἀγαθός» (стк. 339).

Примечательно употребление по отношению к Мосхиону выражения «...στοιχεῖν ἑαυτῶι προαι[ρ]οῦμενο[ς]...» («...предпочитающий следовать себе...» – стк. 69), которое перекликается с похожей фразой из декрета в честь Менаса.

Деятельность Мосхиона выражена в соответствии с лексикой почётных декретов словом «εὐεργεσία» – благодеяния.

Религиозность Мосхиона подчёркивается ещё в ряде мест: он назван наилучшим образцом почтения к богам («...καλὸν ἀπόδειγμα τῆς τε πρὸς θεοὺς **ὀσιότητος**...» – стк. 29-30), он расположен к богам благочестиво (εὐσεβῶς – стк. 251), он почителен к богам, за что получил с их стороны (положительную) оценку (стк. 282-285). Справедливость во второй раз отмечена в строке 252 и более не фигурирует в тексте декрета. Лояльность полисной общине упомянута четырежды – кроме надписи на постаменте в других частях декрета дважды отмечается εὐνοία (стк. 44, 55) и один раз αἴρεσις (стк. 30). Вдобавок к упомянутым случаям отмечается рвение Мосхиона (προθυμία – стк. 313) и честолюбивое рвение (φιλοτιμία – стк. 52, 88; φιλοδοξία – стк. 157).

Следует особо отметить среди качеств Мосхиона филантропию: «...μηδενὸς ὑσ]τερεῖν **φιλανθρώπου**...» («ничего не упустить человеколюбивого» – стк. 280-281).

Неоднократно отмечается предпочтение Мосхионом общественному благу: «...μὲν τὸ τῆι πόλει **συμφ[έ]ρο[v λαμβάνων]** πρὸ ὀφθαλμῶ[v] ...» («выгоду для полиса держащий перед глазами» – стк. 64-65), «...προ]ηρεῖτο, τοῦ μὲν λυσιτελοῦς ἀφρόντιστον, τῆι δὲ πρὸς τὰ **κοινὰ** φιλοτιμία...» («...предпочитал

беспечную выгоду честолюбивому рвению для общины...» – стк. 86-88), «...συμφερόντως τῷ δήμῳ...» («...с выгодой для народа...» – стк. 166).

Таков образ Мосхиона, сына Кидима, предстающий перед нами в строках декрета. Конечно, сложно судить о том, насколько Мосхион был благочестив или справедлив, – человек, контролировавший финансовую жизнь полиса и занимавший главный в государстве пост на момент принятия декрета, мог повлиять на изображение самого себя в декрете. Но, так или иначе, почётный декрет в честь Мосхиона можно назвать каноническим, поскольку в нём выражены все основные понятия жанра почётных декретов – ἀρετή, καλοκάγαθία, εὐσέβεια, δικαιοσύνη, εὐνοία, φιλοτιμία, προθυμία. Хотя есть любопытное отличие – в тексте ни разу не встречается σπουδή, что может быть объяснено лексическими различиями, которые неизбежно должны были иметься в различных полисах. Также в декрете не упоминается о связи Мосхиона с царским двором или же культом – по всей видимости, в этом случае сказался тот факт, что Приена была независимым полисом, где монархические ценности не были подкреплены верховенством царской власти. Когда Мосхион совершает поездки к царям и римскому консулу, он совершает их не как подданный, а как посол.

В целом Мосхион предстаёт главным богачом общины, в чьих руках сосредоточены значительные финансы всего полиса, чья финансовая помощь, как создаётся впечатление, равна полисному бюджету, что роднит Мосхиона с Протогеном из Ольвии (IRE I², 32). Это финансовое влияние неизбежно вытекает во влияние политическое – Мосхион выступает на дипломатической арене в качестве посла, он избирается на главные полисные магистратуры.

На этом декрете завершается обзор почётных декретов в честь политической и экономической элиты эллинистических городов Малой Азии и Эгеиды. Список приведённых в этой главе декретов не является полным, но он в полной мере отражает общие тенденции рассматриваемого времени. В

почётных декретах перед нами предстают богатые и благородные мужи, выступающие на дипломатическом поприще, занимающие главные полисные магистратуры, от их щедрости зависит деятельность гимнасиев и строительство общественных зданий, они спасают народ от голода в тяжёлые времена. Как отмечает О.Ю. Климов в «Пергамском царстве»: «Указанные факты свидетельствуют о выделении в городах слоя людей, которые обладали высоким имущественным положением, играли в общинах важную роль и вместе с тем отличались преданностью монархии, являлись социальной основой власти Атталидов в греческих полисах»⁶⁵. Сказанное относится в равной степени и ко всем эллинистическим монархиям, имевшим власть в изучаемом регионе.

Анализ перечисленных декретов даёт основание полагать что в эллинистическую эпоху снова сложился (или снова проявился, никуда до этого не исчезая) аристократический идеал, хотя он и был выражен иначе, нежели в эпоху архаики. Однако этот вопрос должен быть рассмотрен в следующей главе, вместе со всем комплексом понятий, выражающим качества идеального гражданина.

⁶⁵ Климов О.Ю. Пергамское царство. С. 234.

Глава III. Качества образцового гражданина и идеология эллинистического полиса.

В предыдущей главе мы с вами остановились на вопросе, был ли выражен аристократический идеал в почётных декретах эпохи эллинизма, или же нет. В первой главе были упомянуты взгляды двух исследователей – П. Шольца и С. Ламберта, относительно самопрезентации полисной знати как элиты. С. Ламберт считает, что в позднюю эпоху (подразумевая под ней эллинизм) полисная верхушка не позиционировала себя как элиту, поскольку элитарная идеология не обеспечила бы поддержку со стороны народа⁶⁶. П. Шольц, наоборот, доказывает, что общественная жизнь в эллинистических полисах не пережила упадка даже несмотря на то что в полисной жизни господствовала элита, чьё влияние зиждилось на богатстве, авторитете и, что важно, – образовании, и из её среды происходили магистраты, ораторы, стратеги, послы⁶⁷. Оба исследователя не спорят между собой, поскольку они не упоминают друг друга, но они высказываются против встречавшихся до них в историографии мнений. В любом случае, если сами авторы мнений не спорят друг с другом, то их мнения вступают в заочный спор.

Рассмотрение этого вопроса, упомянутого в первой главе, было отложено в сторону, поскольку прежде чем переходить к нему, следовало подробно рассмотреть содержание почётных декретов. Теперь, когда это сделано, можно обобщить полученные из эпиграфических источников сведения.

В значительной части рассмотренных нами декретов встречается мотив восхваления предков почётного гражданина – он от предков

⁶⁶ Lambert S. What was the point of inscribed honorific decrees in classical Athens? // *Sociable Man: Essays on Ancient Greek Social Behaviour in Honour of Nick Fisher*. Swansea, 2011. P. 202-203.

⁶⁷ Scholz P. Der «gute» Bürger in Lykurgs Rede gegen Leokrates // *Rollenbilder in der athenischen Demokratie*. Wiesbaden, 2009. S. 76-81.

наследует славу, доблесть или расположение к народу, и достойно поведения предков поступает сам. Этот мотив в разных вариациях повторяется в декретах в честь Диокла, Тимесия, Кефисодора, Аполлония, Мосхиона. Как мною уже было сказано, этот расхожий мотив почётных декретов (или формула) можно идентифицировать как выражение аристократического идеала. С. Дмитриев отмечает в своём труде по полисной администрации Малой Азии, что к концу II в. до н.э. в почётных декретах распространилась идея подражания благородным предкам, о благодеяниях которых говорится в декретах⁶⁸. Здесь следует добавить, что эта тенденция проявилась ранее конца II в. до н.э. – в декрете в честь Диокла, сына Александра, сказано что он «...жертвы совершил богу прекрасно и славно, достойно его и предков...» («...ἱερά ἐξέθυσεν τῷ θεῷ **καλῶς καὶ ἐνδόξως**, καταξίως καὶ αὐτο[ῦ] καὶ τῶν προγόνων...» – SEG LIV, 745, 4-6). В этих строках встречается идея подражания благородным предкам, хотя декрет датируется ещё III в. до н.э. Но самый ранний пример мы находим в декрете в честь оратора Ликурга, который был принят ещё в конце IV в. до н.э. По всей видимости, эта тенденция появилась намного раньше конца II в. до н.э., но распространилась в указанное С. Дмитриевым время.

Вместе с этим в общественном сознании распространился идеал молодого благодетеля, который принимал участие в исполнении магистратур с ранней юности – это было связано с тем, что в эллинистическую эпоху должности в системе полисного самоуправления начинают получать женщины и дети⁶⁹. С. Дмитриев ссылается на строки 86-90 декрета в честь Менаса, сына Менета, где говорится, что народ выражает благодарность прекрасным и благородным мужам, которые получают уважение «...с первых лет жизни...» за своё честолюбивое рвение («...τῶν ἀνδρῶν τιμῶν καὶ τοὺς ἀπὸ τῆς πρώτης ἡλικίας φιλοτίμους γινομένους...» – IK Sestos 1, 87-88). Но это качество также приписывается и самому Менасу в формуле мотива

⁶⁸ Dmitriev S. *City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Oxford, 2005. P. 290.

⁶⁹ Ibid., P. 291.

дарования почести – в ней указывается, что он предпочёл общественное благо «...с первых лет жизни...» («...ἐκ τῆς πρώτης ἡλικίας...» – стк. 2). Более того, этот мотив мы встречали и в других декретах – в честь Аполлония, сына Аттала, который был «...прекраснейшего образа жизни достигший с первых лет жизни...» («...καλλίστης ἀγωγῆς τετευχώς ἀπὸ τῆς πρώτης ἡλικίας...» – I. Metropolis B, стк. 5), и в честь Мосхиона, сына Кидима, который был «являющимся с ранних лет мужем прекрасным и доблестным» («...γεγονὼς ἀπὸ τῆς πρώτης ἡλικίας ἀνὴρ καλὸς καὶ ἀγαθὸς...» – I. Priene 108, 14-15). Всё это свидетельствует о сложении элитарного идеала – юноши из знатных семейств, пользуясь положением и богатством их отцов, включались в систему полисного управления с раннего возраста (но сложно сказать, с какого именно).

Порой в надписях можно увидеть самопрезентацию полисной элиты – в том, как её представители себя называли сами, с оттенком превосходства. Такое встречается не часто, но П. Шольц установил, что в декрете в честь Серапиона, сына Дионисия, из Эгиалеи, полисная элита называется «οἱ πρώτοι», или «первые» (IG XII 7, 392, 12-13)⁷⁰. Этот декрет относится приблизительно к 100 г. до н.э.

В дополнение к этим доказательствам следует привести следующее соображение – почётные декреты принимались в честь знатных и богатых членов общества, а не в честь простых граждан из среднего имущественного слоя, которые бы хорошо исполнили магистратуры (исключение составляют представители высококвалифицированных профессий – врачи, риторы, музыканты, но они тоже были элитой – интеллектуальной, их знания были не менее важны, чем деньги эвергетов). В этом проявлении эллинистические почётные декреты более близки тем афинским декретам, которые принимались в честь иностранных царей, нежели тем, в которых хвалились

⁷⁰ Scholz P. Die «Macht der Wenigen» in den hellenistischen Städten // Historische Zeitschrift. Bd. 47. München, 2008. S. 84.

образцово исполнившие обязанности булевты. То есть сам по себе феномен эллинистических почётных декретов был связан с элитарностью политической и экономической верхушки полисов. На это ещё указывал П. Шольц, говоря, что почётные декреты стали выражать аристократические идеалы, которые в эпоху архаики нашли отражение в поэзии⁷¹.

Подводя итог всему изложенному, можно сделать с определённой долей уверенности вывод, что почётные декреты в честь эвергетов (политической и экономической элиты полисов) являлись выражением элитарной идеологии. И, судя по всему, эта элитарность не вызывала отторжения у народа. Сверхдоходы богатых граждан были заметны всем соотечественникам, следовательно, их превосходство в финансовом плане и проистекающая из этой материальной базы элитарность являлись сами собой разумеющимися. Народ же, принимавший декреты в честь эвергетов (в тех случаях, когда этим занимался не один совет) тем самым являл своё расположение элитарной идеологии, выраженной в текстах декретов. И, в принципе, у народа не было причин быть недовольным, когда богатые граждане жертвовали деньги на нужды сограждан (которым в ином случае пришлось бы нести это финансовое бремя самим).

Теперь, когда сущность идеологии декретов выявлена, следует перейти к анализу выраженных в декретах понятий. В предыдущей главе мы с вами встретились с целым комплексом качеств образцового гражданина, но все они были затронуты вкратце. В этой части работы будет предпринята попытка раскрыть значение этих качеств, эволюцию этих понятий, их связь между собой, связь с литературой и философией того времени.

Одно из основных понятий, наиболее часто встречающихся в почётных декретах – это доблесть, ἀρετή. Рядом с ним идут близкие по смыслу определение ἀγαθός, «благородный» и понятие καλοκάγαθία. В

⁷¹ Ibid., S. 72-73.

большинстве случаев ἀρετή переводится на русский язык как «доблесть» – в настоящей работе оно так и переводится. Однако значение, которое выражает это слово, куда шире и многограннее, чем доблесть в значении храбрости, бесстрашия. Об этом будет сказано подробнее в конце главы. Также ἀρετή всегда упоминается в связи с другими понятиями, выражающими качество образцового гражданина, и вместе они составляют целый комплекс понятий. Для того, чтобы обратиться к анализу этих понятий, следует сделать отступление, дабы ознакомиться с концепциями исследователей – К.Дж. Довера и А. Диле, которые в своих трудах рассматривали эти понятия в комплексе.

К.Дж. Довер в своём труде «Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle» уделил понятию доблести целую главу⁷². Он рассматривает ἀρετή в комплексе с другими понятиями постольку, поскольку они всегда упоминались вместе. Так, в сочинении Ксенофонта об Агесилае поочерёдно перечисляются его благочестие (к божественным установлениям он относился благочестиво – ἐσέβετο), справедливость (в делах, связанных с деньгами – εἰς χρήματα δικαιοσύνης), сдержанность и рассудительность (ἐγκράτεια, σωφροσύνη), храбрость (ἀνδρεία), мудрость (σοφία) – каждому из этих качеств посвящена отдельная глава сочинения (или часть главы), где иллюстрируется проявление Агесилаем этих качеств в жизни (Xen. Ages. III-VI).

Следующий пример К.Дж. Довер приводит из трактата Платона «Пир» – в той части, где ведётся разговор про бога Эрота, перечисляются его четыре доблести: справедливость (δικαιοσύνη), рассудительность (σωφροσύνη), храбрость (ἀνδρεία) и мудрость (σοφία). Отсутствует благочестие к богам, но это по той причине, что Эрот и сам является богом (Plato, Symp. 196d).

⁷² Dover K.J. Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle. Oxford, 1974.

Это были примеры из литературы первой половины IV в. до н.э. (и к тому же из философской литературы). Следующий пример К.Дж. Довер приводит из речи оратора Демосфена «О венке» (Dem. XVIII, 215). Демосфен повествует о том, что, когда афиняне прибыли на помощь фиванцам накануне битвы при Херонее, фиванцы «...выразили вам три прекраснейших похвалы: одну за мужество, другую за справедливость, третью за рассудительность...» («...ἔδειξαν ἐγκώμια Θηβαῖοι καθ' ὑμῶν τὰ κάλλιστα, ἐν μὲν ἀνδρείας, ἕτερον δὲ δικαιοσύνης, τρίτον δὲ σωφροσύνης...»). Таким образом, мы видим триединый канон, состоящий из ἀνδρεία, δικαιοσύνη и σωφροσύνη. Как отмечает К.Дж. Довер, в трёх похвалах фиванцев отсутствует благочестие – по мнению исследователя, это проявление тенденции IV века, когда доблесть (virtue) приравнивалась к благочестию (piety)⁷³. Со своей стороны, отмечу любопытную особенность – в речи Демосфена фигурирует меньше качеств, чем в философских сочинениях Ксенофонта и Платона, отсутствует σοφία. По всей видимости, здесь имела место не только отмеченная К.Дж. Довером тенденция, но также различия и между идеями философии, и идеями повседневной, общественной жизни.

В дополнение к этому К.Дж. Довер приводит примеры и из других литературных произведений. У Эсхила в «Семерых против Фив» одному из персонажей дана такая характеристика: «...σώφρων, δίκαιος, ἀγαθός, εὐσεβής ἀνὴρ...» (Aesch. Septem. 610). В «Меморабилиях» Ксенофонт пишет о Сократе что он был εὐσεβής, δίκαιος, ἐγκρατής (воздержанный), φρόνιμος (умный, мудрый – Xen. Mem. IV, 8, 11). В «Греческой истории» всё того же Ксенофонта приводится речь Фрасибула, который упоминает одно за другим три качества: δικαιοσύνη, ἀνδρεία, γνῶμη (ум – Xen. Hell, II 4.40f.). Исократ в своей «Панафинейской речи» произносит такие слова: «Каждый благоразумный человек выше всех других установлений поставит почтение к богам, справедливость по отношению к людям и рассудительность во всех

⁷³ Ibid., P. 66-67.

остальных делах» («οὐδεὶς γὰρ ὄστις οὐ τῶν μὲν ἐπιτηδευμάτων προκρινεῖ τὴν εὐσέβειαν τὴν περὶ τοὺς θεοὺς καὶ τὴν δικαιοσύνην τὴν περὶ τοὺς ἀνθρώπους καὶ τὴν φρόνησιν τὴν περὶ τὰς ἄλλας πράξεις» – Isocr. XII, 204). В речи «Об упряжке» Исократ характеризует Перикла так: «...который, как все согласятся, был самым благоразумным, самым справедливым и самым мудрым из граждан...» («...ὄν πάντες ἂν ὁμολογήσειαν καὶ **σωφρονέστατον** καὶ **δικαιότατον** καὶ **σοφώτατον** γενέσθαι τῶν πολιτῶν...» – Isocr. XVI, 28)⁷⁴.

Такой канон добродетелей приводит К.Дж. Довер, опираясь на литературу IV и V вв. до н.э. Следует отдать должное проделанной британским исследователем работе по изучению корпуса аттической литературы, где по крупницам содержались все эти примеры.

Во второй части главы К.Дж. Довер переходит к другому типу источников – эпитафиям. Как отмечает исследователь, ἀγαθὸς и ἀρετὴ периодически употребляются в эпитафиях со «специфическими понятиями» – δικαιοσύνη, σωφροσύνη, σοφία. Возможно, ἀγαθὸς и ἀρετὴ равны в значении военной доблести, когда умерший человек был взрослым. Однако в то же самое время ἀρετὴ и σωφροσύνη употребляются к людям любого пола и возраста, но без специфических понятий (δικαιοσύνη и σοφία). Таким образом показывается разница между «негативной» и «позитивной» добродетелью, проявленной в достижениях. О том, что ἀρετὴ и σωφροσύνη следует научиться, есть упоминание у Исократа в речи «Против софистов» – софисты обещают научить доблести и рассудительности («...ὅμως **ἀρετὴν** ἐπηγγείλαντο καὶ **σωφροσύνην** περὶ αὐτῶν...» – Isocr. XIII, 20). У Исократа в другой его речи «Эвагор», посвящённой кипрскому царю, показано, что в детстве Эвагор ценился за рассудительность, красоту и силу (σωφροσύνη, κάλλος, ῥώμη), а когда возмужал, к этим качествам присоединились мужество, мудрость и справедливость (ἀνδρεία, σοφία, δικαιοσύνη; Isocr. IX, 22-23)⁷⁵. То есть, имеет

⁷⁴ Ibid., P.67.

⁷⁵ Ibid., P.67-68.

в виду К.Дж. Довер, качества человека зависели от возраста и его достижений.

Что касается другой составной части понятия калокагатии – определения καλός, то К.Дж. Довер считает, что оно обозначало красоту не душевную, но телесную. Телесные и душевные качества были разделены, что показывает фрагмент из Менандра, где сказано что красота (κάλλος) украшается добрым нравом (χρηστός – Men. fr. 570). Словоупотребление определения καλός ораторами было довольно широким – это слово употреблялось по отношению к любому поступку, поведению, достижению, являясь антонимом определению αἰσχρός. Καλός в данных случаях означало «восхитительный», «заслуживающий доверия», «почётный», в то время как αἰσχρός – «позорный», «постыдный», «скандальный». В позднюю эпоху схолиаст Аристофана даже заменил «καλός πολίτης» на «ἀγαθός πολίτης», что говорит о синонимичности καλός и ἀγαθός, которая развилась со временем. Таким образом, заключает К.Дж. Довер, определение καλός и наречие καλῶς служили подкреплением какому-либо другому определению, качеству: «такой-то есть «х» и καλός», или «такой-то поступил «х» и καλῶς»⁷⁶. Это соображение ценно для понимания значения καλός и καλῶς, встречающихся повсеместно в надписях. Понятия «прекрасный» и «прекрасно» в лексике почётных декретов призваны положительно подчеркнуть достоинства почтённого гражданина или его деяния.

Вторая концепция изложена немецким исследователем А. Диле в труде «Der Kanon der zwei Tugenden» в главе, посвящённой «вульгарной этике»⁷⁷. Это сочинение посвящено канону двух добродетелей – благочестия и справедливости. Тема ἀρετή напрямую не затрагивается, однако этот труд очень важен для понимания значения тех качеств в декретах, которые

⁷⁶ Ibid., P.70-72.

⁷⁷ Dihle A. Der Kanon der zwei Tugenden. Köln, Opladen, 1968.

связаны с этим двойным каноном. Тем более, что все добродетели, как было показано К.Дж. Довером, были переплетены между собой.

А. Диле прослеживает в своём труде эволюцию понятий *δικαιοσύνη* и *εὐσεβεία/ὀσιότης*, которые, как отмечает исследователь, встречаются в надгробных надписях и почётных декретах (что мы уже могли наблюдать во второй главе) с IV в. до н.э. до эпохи Империи.

Понятие *δίκαιος* проделало большой путь от Гомера (*Odysseus*, XIX, 181) до подробнейшего определения у Аристотеля (*Nik. Eth.* 1114b). Сначала *δικαιοσύνη* имело оттенок возмездия. Позднее, в эпоху социального кризиса в Афинах оно приобрело значение права и справедливости, что можно видеть в лирике Солона и философии IV века. В документах V века *δίκαιος* и *εὐσεβής/ὀσιος* соединились в канон двух добродетелей, значение которого было связано с соблюдением социальных норм. Качество *δίκαιος* стало справедливостью судьи и магистрата. В почётных декретах в честь выдающихся граждан указывается, что муж благочестивый и справедливый равен богам. Параллельно этому процессу качества, выразившие доброжелательное отношение к ближнему, – *εὐεργετικός* (делающий добро) и *φιλόανθρωπος* (человеколюбивый) в речах ораторов IV века Исократ и Демосфена начали вступать в смысловую связь с *εὐσεβής* и *ὀσιος*⁷⁸. Исократ в речи «Эвагор» говорит о правлении этого саламинского царя следующее: «...οὕτω θεοφιλῶς καὶ φιλανθρώπως διώκει τὴν πόλιν...» («...с таким благочестием и благожелательностью к людям управлял городом...» – *Isocr.* IX, 43). В данном случае *θεοφιλῶς* является синонимом *εὐσεβῶς*. В «Панегирике» Исократ говорит об Афинах: «...οὕτως ἡ πόλις ἡμῶν οὐ μόνον θεοφιλῶς ἀλλὰ καὶ φιλανθρώπως ἔσχευ...» («...Наш город был не только любимцем богов, но и другом людей...» – *Isocr.* IV, 29). Демосфен в речи «Против Мидия о пощёчине» тоже говорит об афинянах: «ὕμεῖς μὲν τοίνυν, ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, πάντες εἰς τοσοῦτον ἀφίχθε φιλανθρωπίας καὶ εὐσεβείας ὥστε

⁷⁸ *Ibid.*, S. 10-13.

καὶ τῶν πρότερον γεγενημένων ἀδικημάτων τὸ λαμβάνειν δίκην ἐπέσχετε ταύτας τὰς ἡμέρας...» («Всем вам, граждане афинские, оказались присущи столь высокое человеколюбие и благочестие, что вы решили в эти дни воздержаться от наказания даже тех, кто ранее нарушил закон...» – Dem. XXI, 12). Это важный момент, поскольку понятие φιλανθρωπία встречалось в рассмотренных нами декретах. Как отмечает А. Диле, φιλανθρωπία впоследствии стала частью дискурса эллинистических монархий как качество, проявляемое вышестоящими по отношению к нижестоящим⁷⁹.

Что касается канона справедливости и благочестия, заключает А. Диле, их эволюция свелась к тому, что в аспекте социальных норм они свелись к законности⁸⁰.

Таковы две концепции, имеющие особую важность для данного исследования. Теперь следует привлечь материал почётных декретов, которые были подробно нами рассмотрены, и постараться понять, как эти тенденции общественной мысли Атики IV в. до н.э. отразились на идеях эллинистической эпохи.

Начать следует с первых афинских почётных декретов, рассмотренных в первой главе. Уже в них встречались качества ἀρετή – в декретах как в честь боспорских царей, так и в честь булевтов, εὐνοία – в декретах в честь царей, δικαιοσύνη – в декретах в честь булевтов (что согласуется с тезисом А. Диле о том, что в IV веке δίκαιος означает качество судьи или магистрата). В декрете в честь Фанодема, сына Дилла (343/2 г. до н.э.), впервые употребляется качество φιλοτιμία – С. Ламберт отмечает, что оно начинает употребляться в общественной жизни лишь в IV в. до н.э., поскольку во времена радикальной афинской демократии и коллективистской идеологии это было нежелательное для граждан качество. Однако в IV веке, когда демократия стала более зрелой, преимущества

⁷⁹ Ibid., S. 13.

⁸⁰ Ibid., S. 15.

восхваления φιλοτιμία превысили недостатки, поскольку в эпоху упадка афинского могущества полис должен был всеми силами сохранить благодеяния состоятельных и сильных людей⁸¹. Позднее это качество перешло в лексику эллинистических почётных декретов. И это не случайно – эпоха эллинизма стала временем конца народовластия. Теперь благополучие народа во многом зависело от благодеяний богатых и влиятельных граждан, точно так же, как и Афины нуждались в эпоху кризиса их могущества в поддержке подобных людей. Так что эллинистические полисы стремились превознести φιλοτιμία как черту образцового гражданина.

В первых почётных декретах, происходящих из Афин, не встречается εὐσέβεια, хотя оно и встречается в речах и литературе. Булевты, равно как и Ликург, почитаются «за доблесть и справедливость» («ἀρετῆς ἔνεκα καὶ δικαιοσύνης»). О почтении к богам в них ничего не говорится. Выше в концепциях К.Дж. Довера и А. Диле, мы с вами увидели что качества были взаимосвязаны, и одно из них могло включать в себя другое. Но здесь мысль заходит в тупик, поскольку как доблесть (ἀνδρεία/ἀρετή) могла включать в себя εὐσέβεια, как показал К.Дж. Довер, так и δικαιοσύνη могла подразумевать εὐσέβεια, как было показано А. Диле⁸². В каком из двух понятий запрятана εὐσέβεια, кто в данном случае прав – К.Дж. Довер или А. Диле, сказать сложно. Остаётся только предположить, что обе составные части формулы «ἀρετῆς ἔνεκα καὶ δικαιοσύνης» подразумевали вместе и благочестие.

Другое чрезвычайно важное качество в лексике эллинистических декретов, εὐνοία, встречается в эпоху зарождения жанра почётных декретов как в декрете в честь Спартока и Перисада, так и в декрете в честь гражданина – Ликурга. Но при этом оно не фигурирует в тех отрывках из Эсхила, Ксенофонта, Платона, Исократы, которые были приведены К.Дж.

⁸¹ Lambert S. What was the point... P. 197.

⁸² Dover K.J. Greek Popular Morality... P. 66-67; Dihle A. Der Kanon... S. 12-15.

Довером, а ведь в них содержится наиболее полный канон образцового гражданина классической эпохи. К εὐνοία ещё вернёмся ниже.

Что касается списка добродетелей, встречающихся в трудах Эхила, Ксенофонта, Платона и Исократ, то бросается в глаза отсутствие понятий σοφροσύνη и σοφία, равно как и других определений хорошего интеллекта не только в эллинистических декретах, но и в декретах самых ранних, аттических IV века. Это другая загадка. Зато несложно понять, почему бескорыстие, встречающееся в декретах в честь булевтов, не фигурирует в почётных декретах в честь эвергетов – в Афинах почитали за примерное исполнение магистратур простых граждан, а в эллинистических полисах Малой Азии почитали самых богатых членов общины, которые если и исполняли магистратуры, то точно не нуждались в том, чтобы за счёт взяток наживать себе состояние – оно у них и без того уже было. Более того, эти богатые граждане даже делились своим состоянием, жертвуя его на нужды полиса. Так что понятие бескорыстия само по себе потеряло смысл для лексики почётных декретов.

Мужество, ἀνδρεία, важное качество аттической литературы, в декретах встречается довольно редко. Самый яркий пример его упоминания – это декрет в честь Менаса, сына Менета (IK Sestos 1, 71). Но нельзя сказать, что это понятие исчезло – второй декрет в честь Аполлония, сына Аттала это сплошное прославление мужества Аполлония (которое, однако, обозначается не ἀνδρεία, а его синонимом – εὐψυχία, и то всего один раз – I. Metropolis (A), 28). По всей видимости, понятие ἀνδρεία было поглощено другими качествами и понятиями – например, в декрете в честь Аполлония он охарактеризован как ἀνὴρ ἀγαθός, отмечаются его ἀρετή и καλοἀγαθία.

Зато другое качество, εὐσέβεια, наоборот, – появляется в эллинистических надписях, вопреки сложившейся в IV веке тенденции слияния с доблестью. Многократное употребление этого качества в лексике декретов уже было показано.

Обращение к текстам декретов даёт возможность оценить то, насколько тенденции, указанные Дж. К. Довером и А. Диле, отражались на идеях и представлениях политической и социальной жизни, на социальной психологии, насколько они повлияли на общественную мораль. И анализ источников показывает интересные результаты. Так, в декрете в честь Тимесия, сына Эпианакта, в строках 11-12 *ὁσιότης* и *δικαιοσύνη* стоят рядом в формуле мотива оказания почести (SEG XXXII, 825). В декрете в честь Менаса, сына Менета, в строках 48-53 дважды встречается *δικαιοσύνη*, а в строках 67-74 соседствуют благочестие и *φιλανθρωπία* (IK Sestos 1). В декрете в честь Мосхиона, сына Кидима в строках 15-18 благочестие (*εὐσέβεια*) и справедливость (*δικαιοσύνη*) включены в список достоинств, указанных в формуле мотива (после *ἐπειδὴ*), равно как и в строках 251-253, а в строках 280-283 соседствуют *φιλανθρωπία* и *ὁσιότης* (I. Priene 108). Таким образом, концепция канона двух добродетелей А. Диле подтверждается источниками, в то время как упоминание *εὐσέβεια* (равно как и других терминов, выражающих набожность и благочестие) в текстах практически декретов свидетельствует о том, что это качество не было поглощено понятием доблести.

Но есть одно исключение, которое может свидетельствовать в пользу концепции Дж. К. Довера о включении в *ἀρετή* качества набожности – это декрет в честь Аполлония, сына Аттала. Как уже было отмечено, когда этот декрет подвергался разбору, в нём, вернее – в двух декретах, не встречается ни единого понятия, связанного с набожностью (I. Metropolis). Это заметное исключение из правил составления почётных декретов. В декрете, который был принят при его жизни, указано что Аполлоний должен принести жертвы Аресу – но это лишь часть церемониала, связанного с принятием почётного декрета в его честь. В данном случае либо лексика декрета в честь Аполлония выражает идейные тенденции IV в. до н.э., в которых *εὐσέβεια* отождествлялась с *ἀρετή*, либо Аполлоний отрицал существование богов (что

странно для такого публичного человека, включённого в вертикаль государственной власти, и тем более Аполлоний, судя по тексту первого декрета, совершил жертвоприношения Аресу), либо же эта особенность декретов вызвана особенностью взглядов составлявшего их текст человека. Как отмечалось выше, декрет в честь Аполлония выделяется на общем фоне декретов в честь эвергетов.

Обращение к декрету в честь Аполлония снова возвращает нас к теме ἀρετή, которая была временно оставлена в стороне для того, чтобы дать обзор научной литературе. Как было показано Дж.К. Довером, в ряде случаев понятие ἀρετή и определение ἀγαθός могли характеризовать в эпитафиях и тех лиц, которые не совершили никаких славных деяний – женщин и детей⁸³. Возможно, качества ἀρετή и ἀγαθός принадлежали любому члену гражданского коллектива, начиная с рождения, являясь не более чем формальностью. Может быть, ἀρετή была связана со специфическими качествами – δικαιοσύνη, εὐσέβεια и т.д., которые в совокупности образовывали ἀρετή. Однако наиболее убедительное соображение высказал на этот счёт Б. Маклин – в почётных декретах, когда эвергет называется «ἀνὴρ ἀγαθός», подразумевается, скорее, его щедрость, нежели военная доблесть⁸⁴. Это можно заметить ещё в декрете в честь Спартока и Перисада, которые названы «ἄνδρες ἀγαθοὶ» – при этом их главным деянием для афинского народа являются поставки хлеба. В эллинистическую эпоху наиболее яркий пример этого являет собой Мосхион, сын Кидима, военная доблесть которого не указана в тексте декрета, но при этом он называется «ἀνὴρ καλὸς καὶ ἀγαθός», указываются его ἀρετή и καλοκἀγαθία. То же самое относится и к Менасу, сыну Менета, и Кефисодору, сыну Аристана, а также и к другим упомянутым в предыдущей главе эвергетам (но декреты в их честь менее подробно излагают биографию, вполне возможно, что Тимесий,

⁸³ Dover K.J. Greek Popular Morality... P.67-68.

⁸⁴ McLean B.H. An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great Down to the Reign of Constantine (323 B.C.-A.D. 337). University of Michigan Press, 2011. P. 230.

сын Эпианакта, до того, как стать послом на Крите был храбрым воином или командиром отряда, но об этом просто не сказано в тексте декрета). С другой стороны в нашем распоряжении имеется декрет в честь Аполлония, сына Аттала (особенно это касается посмертного декрета), в котором ἀρετή, несомненно, означает его доблестное поведение на поле боя, умелое командование и славную гибель. Следовательно, представляется возможным, что ἀρετή всё же означала не какое-то одно качество – щедрость или храбрость, но зависела от человека, от того, какими деяниями он прославился при жизни более всего. Так, например, Тимесий, сын Эпианакта, который называется ἀνὴρ ἀγαθός, не был, по сути, эвергетом – в дошедшей части декрета не говорится о том, что он был щедрым дарителем, притом не говорится и о его военной карьере, но в начало декрета вынесена его успешная дипломатическая деятельность. Также в начале декрета в честь Менаса, сына Менета, повествуется о его успешной дипломатической деятельности в годы военной смуты, и лишь потом рассказывается о его успешных гимнасиархиях. Так что в случае Тимесия и Менаса их ἀρετή могла заключаться в дипломатических достижениях, ἀρετή Аполлония заключалась (после гибели) в храбром поведении в бою с войсками Аристоники, ἀρετή же Мосхиона заключалась в его щедрости.

Рядом с понятием ἀρετή в текстах декретов стоит καλοκάγαθία. Они не синонимичны друг другу. Это показывает декрет в честь Мосхиона – в строках 326-327 эти два качества перечисляются рядом в рамках одной формулы: «ὁ δῆμος Μοσχίωνα Κυδίου ἀρετῆς ἔνεκεν καὶ εὐνοίας καὶ **καλοκάγαθίας...**» (I. Priene 108). Ю.В. Андреев приводил такую характеристику калокагатии: «Идеал калокагатии всегда был аристократически замкнут, сориентирован с настроениями и духовными запросами очень узкого круга людей, в основном, из высших слоев общества, которые располагали достаточными средствами и достаточным количеством свободного времени для того, чтобы строить свою жизнь по законам красоты

и хорошего вкуса. Принятая ими система ценностей совершенно игнорировала простого человека с его каждодневными заботами и нуждами...»⁸⁵.

П. Шольц, как было показано выше, пишет об этом образе жизни, который в эллинистическую эпоху был основан на системе образования – παιδεία⁸⁶. В. Йегер указывает на связь определения «καλός κάγαθός», обозначавшего благородного человека, с образованием. Однако исследователь также отмечает, что калокагатия, будучи изначально элитарным понятием, распространилось на весь гражданский коллектив⁸⁷. Но данные эпиграфики дают основание полагать, что понятие καλοκάγαθία снова стало выражать принадлежность человека к элите. Это понятие стало общегражданским в эпоху демократии, когда все граждане могли проявлять себя на поприще государственного управления. В эллинистическую же эпоху на возможность проявить себя на этом поприще имели только представители полисной верхушки. Как мне представляется, простой гражданин – торговец или ремесленник, потенциально мог быть носителем καλοκάγαθία, но воплотить её в государственной и общественной деятельности и быть за это почтённым в декрете мог только представитель богатого и влиятельного семейства. Кроме того, καλοκάγαθία не встречается в аттических декретах IV в. до н.э. Это может свидетельствовать о том, что в демократическом, эгалитарном обществе классических Афин это качество не было включено в перечень качеств образцового гражданина.

Другое важное понятие, встречающееся в лексике почётных декретов – это φιλανθρωπία, «человеколюбие». Оно было употреблено по отношению к Аполлонию, сыну Аттала (I. Metropolis B, 23), Менасу, сыну Менета (IK Sestos 1, 73-74) и Мосхиону, сыну Кидима (I. Priene 108, 280-281). Выше

⁸⁵ Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб, 1998. С. 269.

⁸⁶ Scholz P. Die «Macht der Wenigen»... S. 80-81.

⁸⁷ Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Том 1/ пер. с немецкого А. И. Любжина. М, 2001. С. 30.

было упомянуто соображение А. Диле о том, что это качество, первоначально означавшее расположение к ближнему, стало частью дискурса эллинистических монархий как качество, проявляемое вышестоящими по отношению к нижестоящим⁸⁸. На это указывает и П. Шольц – в декретах конца II в. до н.э. роль выдающихся мужей выражается тем, что народ получает от них *φιανθρωπία*, как от царей – так, например, Мосхион (подобно царю) заботился о процветании сограждан («...βουλόμενος διὰ παντὸς [ἐν] εὐδαιμονίαι καθεστάναι τοὺς πολίτας...» – I. Priene 108, 99-100)⁸⁹. В надписи в честь Менаса филантропия указана как качество, которое он проявил по отношению ко ксенам (которым, как негражданам, оказывать благодеяния было не обязательно) и «слушателям» (то есть, по всей видимости, посетителям гимнасия – его подопечным). Это упоминание тоже следует учитывать.

Понятие *φιανθρωπία* не встречается в первых афинских декретах, равно как и в ранних эллинистических декретах – мы встречаем его уже в декретах конца II века. Это явление хорошо объясняется С. Дмитриевым – он отмечает, что принцип благотворительной деятельности был привнесён в полисы Малой Азии в результате взаимодействия между ними и царскими династиями. Упоминания о щедрости царей встречаются раньше упоминаний щедрости сограждан (таким образом, эллинистические цари заложили основы такого социального явления, как эвергетизм, подав пример своим подданным). Полисные власти должны были со временем достичь определённого уровня развития, прежде чем они смогли усвоить практику и лексику (в которое входило и понятие *φιανθρωπία*) эллинистических монархов, косвенно влиявших на полисные власти⁹⁰.

Здесь напрашивается вопрос – какая традиция в конечном счёте повлияла на становление жанра почётных декретов, демократическая или же

⁸⁸ Dihle A. *Der Kanon...* S. 13.

⁸⁹ Scholz P. *Die «Macht der Wenigen»...* S. 85.

⁹⁰ Dmitriev S. *City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Oxford, 2005. P. 290.

монархическая? Почётные декреты зародились в недрах афинской демократии, прежде чем распространиться на другие части Средиземноморья. Однако уже тогда существовало два вида декретов – в честь булевтов, которые можно отнести к демократической традиции, и в честь иностранных правителей-эвергетов (царей Боспора), что относятся к монархической традиции. Эти два типа афинских декретов впоследствии повлияли на эллинистические почётные декреты, которые принимались в честь сограждан, при этом стоявших выше обычного народа (подобно царям). Безусловно, костяк понятий составили ἀρετή и δικαιοσύνη, встречающиеся в декретах в честь булевтов. Из псефизмы в честь Спартока и Перисада в лексику декретов перешла εὔνοια, встречающаяся также в декрете в честь оратора Ликурга. Но, определённо, эллинистический почётный декрет испытал эволюцию, в ходе которой он приобрёл уникальные, неповторимые черты – об этом говорит большое число понятий, не встречающихся в лексике первых декретов IV в. до н.э. И φιλοanthρωπία пришла в лексику почётных декретов гражданских общин из лексики писем и декретов царского двора. Хороший пример тому являет письмо Антиоха III Магнесии-на-Меандре (RC 31). В нём сказано, что по причине благоволения (εὔνοια) граждан полиса царю, царь имеет о народе «φιλοanthρωποτάτην διάληψιν», «человеколюбивейшее мнение» (стк. 17-18).

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что сам по себе факт употребления понятия φιλοanthρωπία в почётных декретах свидетельствует об элитарных претензиях полисной верхушки, поскольку филантропия – это проявление благодеяний вышестоящими по отношению к нижестоящим.

Также понятие καλοἀγαθία отображает особенности эволюции эллинистических почётных декретов. Не встречающееся в декретах IV века, оно появляется в эллинистической лексике в связи с возвышением полисной знати в общественной жизни.

Ещё одно понятие, встречающееся в декретах булевтов и унаследованное декретами эллинистическими, – это φιλοτιμία, «честолюбивое рвение». Выше было упомянуто мнение С. Ламберта, что φιλοτιμία в IV в. до н.э. была реабилитирована в общественном мнении, снова став положительным качеством гражданина⁹¹. В лексике эллинистических декретов φιλοτιμία встречается повсеместно, вместе с синонимом φιλοδοξία. П. Шольц пишет, что эти два синонима выражают политическое и эвергетическое действие, проявление ἀρετή, а не отдельное значение⁹². В целом П. Шольц прав, поскольку кажется вероятным, что все «специфические» добродетели (благочестие, справедливость, мужество и т.д.) вместе с деяниями гражданина в совокупности выражаются в понятии ἀρετή, но всё-таки, как показывает практика, составители почётных декретов стремились к выражению всех категорий образцовых качеств по отдельности. В почётных декретах εὐσέβεια не отождествляется с ἀρετή, но указывается отдельно. Так же и φιλοτιμία – честолюбивое рвение связано с тем комплексом качеств, которые назывались ἀρετή, и всё же это отдельное качество, обозначающее соревновательное рвение в совершении благодеяний.

Одно из основных понятий лексики почётных декретов – εὐνοια, расположение, или благоволение. Оно встречалось ещё в первых декретах, а в эллинистическую эпоху уже употреблялось в декретах повсеместно. Вне всякого сомнения, это качество обозначает лояльность эвергета полисному коллективу. Однако это понятие употреблялось в эллинистическое время гораздо шире – не только в почётных декретах полисных общин в честь граждан, но и в честь представителей царской администрации, а также царями по отношению к полисным общинам. Здесь стоит сделать отступление, чтобы рассмотреть другие категории эпиграфики и употребление в них как понятия εὐνοια, так и других.

⁹¹ Lambert S. What was the point... P. 197.

⁹² Scholz P. Die «Macht der Wenigen»... S. 88.

Корраг, сын Аристомаха, стратег областей Геллеспонта (Пергамское царство, II в. до н.э.) в декрете одного из пригеллеспонтских полисов (не установлено происхождение декрета) почтён за *σπουδή* – усердие, и *εὖνοια* – расположение к полису (SEG II, 663, 5). В декрете полисной общины евромейцев (Кария, конец II в. до н.э.) в честь командира гарнизона Аминты, сына Айнея он почтён за *ἀρετή* и *εὖνοια* (SEG XLIII, 709, 10-11).

Царская корреспонденция даёт ещё более интересные примеры употребления знакомых нам понятий, декларируемых царями по отношению к полисам. В письме Эрифрам Антиох II заявляет об отношении царей к полису (Антиоха и его предков), которое выражено в понятиях *εὖνοια*, *σπουδή*, *προθυμία* (RC 15). В письме Антиоха III Илиону декларируется его *ἐπιμέλεια*, забота и *εὖνοια* по отношению к полису (RC 42).

Не менее важно и то, какие качества ожидали цари от подданных по отношению к себе. В письме Антиоха VIII Птолемию IX Александру и полису Селевкия в Пиерии (здесь мы временно переносимся из Малой Азии в Сирию) указано, что граждане полиса проявили по отношению к его отцу *εὖνοια*, а к нему, Антиоху – любовь (*φιλοστοργία*) и верность (RC 71). Об *εὖνοια*, которую полисная община Магнесии-на-Меандре проявила по отношению к Антиоху III, уже упоминалось (RC 31). Таким образом, цари ожидали от полисных общин в первую очередь *εὖνοια*, расположения, или лояльности. Однако это были примеры полисных коллективов, в то время как имеются царские письма, посвящённые отдельным подданным – в них царская канцелярия более подробно описывала качества идеального подданного. Это хорошо иллюстрирует письмо Селевка IV полису Селевкии в Пиерии и его властям, в котором царь просит (вернее – дипломатично указывает) даровать почести другу его отца, Аристолоху, мотивируя это проявленными им по отношению к Селевку, его отцу и брату лояльностью, (*εὖνοια*) и рвением (*ἐκτένεια*), проявленными на службе у них (RC 45). Полис дружелюбно соглашается с предложением царя и в свою очередь отмечает

προθυμία (рвение) и εὐεργεσία (благоденствие) Аристолоха – но до конца не понятно, по отношению к кому, к царю или к полису. Пергамский царь Аттал в письме Кизику (это был свободный полис, но имевший дружественные отношения с пергамским царским двором) просит для кизикийского гражданина Сосандра жречество, мотивируя это тем, что указанный муж обладает достоинствами καλοκάγαθία и εὐσέβεια, и что важно – Сосандр проявил по отношению к царю εὐνοία и πίστις, верность (RS 66). Особенно интересно то, что кроме расположения подчёркнута ещё и верность – обычно цари вместо него употребляли εὐνοία.

Таким образом, мы можем видеть, что понятие εὐνοία использовалось повсеместно – это качество проявляли по отношению к полисной общине и эвергеты, и представители царской администрации, и цари, равно как полисная община и отдельные подданные по отношению к царю.

В текстах царской корреспонденции иногда встречается προθυμία, рвение, которое периодически встречалось в рассмотренных декретах (в честь Диокла, Фания, Менаса, Мосхиона). А.Б. Ковельман на основании изучения птолемеевского материала делает любопытный вывод: «Термины πρόνοια (забота) и εὐνοία (благомыслие, лояльность) иногда употреблялись в близком к «усердию» значении, как лояльность в отношении повинностей, забота об их выполнении»⁹³. Оставаясь на той позиции, что каждое из качеств, отображённых в почётных декретах, играло самостоятельную роль и выражало своё главное значение, предположу, что про этом понятия были связаны между собой, и подобно тому, как ἀρετή связано с εὐσέβεια (а также и с другими добродетелями), так и εὐνοία могла идти в тесной связке с προθυμία. Хороший тому пример являет декрет в честь Фания, сына Эвдема, в котором сказано что он проводил жизнь «...μετά [πά]σης προθυμίας καὶ εὐνοίας...» (SEG XLII, 1019, 10-11).

⁹³ Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид: Массовое сознание в Римском Египте. М, 1998. С. 28.

Однако *προβουσία* встречается не во всех декретах, а в тех, в которых встречается, по частоте употребления это слово уступает своему синониму *ἐκτένευα* и близкому по значению *σπουδή* (усердие).

Для обозначения надлежащего исполнения обязанностей в лексике декретов как правило употребляется в разных вариантах формул *καίρως* – надлежащая мера, норма (например «ἐμ παντὶ **καίρῳ**», «в надлежащей мере» – I. Priene 108, 33). Характерное для стоической философии *καθῆκον* встречается только в декрете в честь Аполлония (I. Metropolis A, 8-9). Это даёт основание полагать, что влияние философии сказывалось слабо на мире идей почётных декретов. Несколько большее значение имели речи аттических ораторов IV в. до н.э. П. Шольц показал на примере некоторых декретов влияние идей оратора Ликурга на выражаемый в декретах идеал гражданина⁹⁴. Но, кроме указанных немецким исследователем декретов, понятие «*κάλλιστον παράδειγμα*» более нигде не встречалось, так что влияние Ликурга сказалось не на всех почётных декретах. Вернее, оно сказалось, но другим путём – через декрет в честь Сопатра, сына Акрага, текст псефизмы которого Ликург составил, тем самым став у истоков жанра почётного декрета.

В почётных декретах часто выражается идея, что эвергет старается ради общественного блага. Она выражается понятием «полезное» – «*τὰ συμφέροντα*» или *χρήσιμος*. Это другая важная часть общественной морали – идея общественного блага. Это теме посвящена статья А. Штайнвентера, в которой показана эволюция теории общего блага от греческого полиса до Римской империи. В мире идей старого греческого полиса, пишет А. Штайнвентер, была сформулирована дихотомия *κοινόν* и *ἴδιος*, пользы общественной и частной. В идеале они должны были совпадать. Софисты V в. до н.э., стремившиеся освободить личность от домината полиса, привели

⁹⁴ Scholz P. Der «gute» Bürger in Lykurgs Rede gegen Leokrates // Rollenbilder in der athenischen Demokratie. Wiesbaden, 2009. S. 188.

эти интересы, общественный и частный, в столкновение. Даже принцип справедливости был поставлен под сомнение, в тех случаях, когда законы ограничивали интересы отдельного человека. Наиболее яркое выражение эта тенденция нашла в философии Антифонта, считавшего, что законы противоречат природе человека. Философы-идеалисты – Сократ и Платон – боролись с этим мнением софистов, учивших, что понятия «законное» и «справедливость» имеют единый смысл. Однако противоречие общественной и частной пользы, столь резко выраженное в теоретической философии, по мнению А. Штайнвентера было сглажено практической политической жизнью – почётные декреты эпохи эллинизма показывают достигнутый компромисс между общественной и частной пользой: «...χρήσιμον εἶναι, εὐχρηστον εἶναι, εὖ ποιεῖν, ἀγαθὸν ποιεῖν, πράττειν τὰ συμφέροντα, **διαλύειν συμφερόντως κοινῇ και ἰδία...**» («...полезное есть, подходящее есть хорошо делать, благородно делать, совершать полезное, полезно примирять общее и частное...» – IG I, 45)⁹⁵. Такова мысль А. Штайнвентера. Но это утверждение спорно – в эллинистических почётных декретах общественная и частная выгода продолжали противопоставляться. Пример тому декрет в честь Аполлония, где про него сказано: «...οὐδέποτε τῆς **ἰδίας** ὠφελίας ἐνεκεν ἀλλάξαμενος **τά κοινά τῆς πόλεως πράγματα...**» («...никогда не променял общественные дела полиса на частную выгоду...» – I. Metropolis B, 17). У. Тарн упоминает декрет Пергама в честь Диодора, про которого сказано: «Его забота об общем преуспейнии не позволяла ему думать о собственном»⁹⁶. Так что сложно однозначно ответить на вопрос о взаимоотношениях идей общественной и частной выгоды в общественной морали эллинистического полиса. Но примечательно то, что эвергеты в надписях хвалились за проявление рвения на благо выгоды общественной, когда они не уклонялись ради неё ни от расходов, ни от опасностей (в тяжёлые времена).

⁹⁵ Steinwenter A. *Utilitas publica – utilitas singulorum* // Festschrift Paul Koschaker. Bd. I. Weimar, 1939. S. 87-88.

⁹⁶ Тарн В. *Эллинистическая цивилизация*/ пер. с англ. С.А. Ляковского. М., 1949. С. 115. Ссылка на декрет Пергама: Ath. Mitt. 1907, 261, 1. 12.

Таков был мир идей почётных декретов («Begriffswelt der Dekrete» – как выразился П. Шольц). Во главе него стоит идеал ἀρετή, традиционно переводимый как «доблесть», «храбрость». Этим качеством обладают гомеровские герои, например Ахилл (Hom. II. XI, 764). Как было хорошо показано А.И. Зайцевым в труде «Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э.», понятие ἀρετή связано с агональным духом, характерным для греческой культуры. Зародившееся в гомеровскую эпоху, это понятие означало доблесть, которая должна была быть оценена окружающими героя и аристократа людьми, равными ему по общественному положению. Главной ценностью для греков гомеровской и архаической эпоха была слава, изначально достигаемая на поле боя или на состязании, агоне (главной целью которого были не награды, а именно слава). Затем к славе стали стремиться не только аристократы, но и другие социальные категории – к славе стремились поэты, ремесленники, философы. На основании многочисленных примеров, дошедших до нас в литературной традиции, А.И. Зайцев относит древнегреческое общество к категории компетитивных, «...в которых важное значение имела установка индивида на то, чтобы превзойти окружающих в достижении своих жизненных целей». Стремление к ἀρετή, отмечает А.И. Зайцев, носит отчётливо соревновательный характер⁹⁷. Связь ἀρετή с агональным духом хорошо объясняет почему это понятие стало во главе перечня положительных качеств эллинистического гражданина – феномен почётных декретов связан со славой (которою почтённый гражданин пользуется среди сограждан а также потомков), со стремлением к ней. Представители политической и социальной верхушки совершали благие дела для свих полисов, соревнуясь в этом друг с другом (хотя создаётся впечатление что некоторые эвергеты, такие как Мосхион, были вне конкуренции в своих коллективах). Совершая полезные дела на благо полиса, эвергеты проявляли различные

⁹⁷ Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э./ под ред. Л. Я. Жмудя. 2-е изд., испр. и перераб. СПб, 2000. С. 106-128.

положительные качества, совершали деяния в разных сферах – финансовых дипломатических, военных. Таким образом, ἀρετή – это совокупность деяний почётного эвергета и других его качеств (благочестия, справедливости, старания и рвения, лояльности, дисциплины, мужества и т.д.), проявленных в соревновательном стремлении к славе (которая обеспечивалась установкой стелы с почётным декретом).

На основании изучения почётных декретов и научной литературы можно примерно воссоздать систему положительных качеств эллинистического гражданина. В центре её находится ἀρετή, к которой восходят другие качества. Благочестие (εὐσέβεια) и справедливость (δικαιοσύνη) стоят вместе, образуя двуединый канон, выражающий соблюдение человеком социальных норм, порядочность – по отношению к людям и к богам. Другую парную связку составляют рвение (προθυμία) и лояльность (εὐνοία) – лояльность полисной общине проявляется гражданином в рвении совершать благие дела для общего блага. Рядом с προθυμία находится близкое ему по смыслу понятие φιλοτιμία – честолюбивое рвение, направленное на совершение деяний, в которых проявляется ἀρετή. Связь φιλοτιμία и φιλοδοξία с ἀρετή заключается также в том, что они означают стремление к славе и почестям, которые побуждали граждан к проявлению ἀρετή в общественной жизни.

Все эти качества, каждое из которых имело своё отдельное значение, вместе составляли идеал ἀρετή, плавно перетекавший в идеал καλοκάγαθία, носитель которого назывался «άνήρ καλός και άγαθός». Это был аристократический идеал, выражавший особый, элитарный образ жизни, во многом связанный с элитарным образованием – παιδεία. Можно предположить, что в эллинистическую эпоху καλοκάγαθία включала в себя вдобавок к элитарному образу жизни и благородные деяния на благо полиса, эвергетизм. Идея элитарности правящего класса, представителями которого были почётные эвергеты, выражалась также и в термине φιανθρωπία,

выражавшем благодеяния сильных мира сего по отношению к нижестоящим. Таков образ идеального эллинистического гражданина, выраженный этими качествами. Мир идей почётных декретов, насколько можно судить по имеющимся данным, жил своей жизнью и не зависел от теоретической философии. Однако для того чтобы делать окончательные выводы по этому вопросу, требуется дальнейшее изучение материала.

Глава IV. Почётные декреты в честь интеллектуальной элиты – качества образцового медика в эллинистических надписях острова Кос.

При том, что наиболее содержательными источниками для изучения образа идеального гражданина эллинистической эпохи являются почётные декреты в честь эвергетов, не следует забывать о том, что политической и экономической элитой гражданский коллектив не ограничивался. Хотя в честь простых граждан – мелких торговцев, ремесленников и крестьян почётные декреты не принимались, однако в полисах имела другая элита – интеллектуальная, включавшая в себя риторов, преподавателей дидаскалейонов и гимнасиев, музыкантов и врачей. Особенно важна была роль последних, поскольку от их мастерства зависели жизни сограждан. Важность их роли выразилась в большом числе почётных декретов, принятых полисами в честь врачей, многочисленность которых произвела впечатление на У. Тарна⁹⁸. Поэтому эта глава будет посвящена врачам и их качествам. Риторы и другие категории интеллектуалов затронуты не будут, поскольку рассмотрение всех категорий интеллектуальной элиты значительно расширило бы объём и задачи работы в силу специфики этой категории граждан. Однако сравнение качеств интеллектуалов с качествами эвергетов – задача важная и интересная, это вопросу следует уделить внимание. Врачи как лучше всего подходят для этого – медики были наиболее востребованными в полисах интеллектуалами и наиболее многочисленными, равно как многочисленны и декреты в их честь. Здесь стоит отметить профессиональную специфику – зачастую врачи работали не в своих родных полисах. Но как показывают тексты декретов, качества врачей-граждан и качества врачей-ксенов ничем между собой не отличаются.

⁹⁸ Тарн В. Эллинистическая цивилизация/ пер. с англ. С.А. Ляковского. М., 1949. С. 115.

Наибольшее число почётных декретов в честь врачей, которые дошли до нас, связаны с косской медицинской школой. Декреты принимались общинами острова Кос в честь своих врачей, или других регионов – известны надписи в честь косских врачей с островов Самос, Делос, полиса Иасос и др. Как отмечает Т.В. Блаватская, со ссылкой на немецкого филолога Вернера Пеека, такое обилие декретов в честь медиков было связано с тем что в античную эпоху, при отсутствии какой-либо государственной аккредитации наподобие диплома об образовании, почётный декрет служил подтверждением квалификации врача⁹⁹. По этой причине косские врачи, когда им приходилось быть почётными за свой труд за пределами родного острова, просили полисные власти послать копию декрета на Кос – этим можно объяснить присутствие декретов с Иасоса, Делоса и Самоса на территории этого острова. С этим явлением У. Тарн связывает появление «общей формы» декретов – их копии, доставлявшиеся из одного полиса в другой, служили соединительным звеном между полисами, в результате чего декреты стали создаваться по единой форме¹⁰⁰. Такая практика (связанная не только с врачами, но и с риторами и прочими интеллектуалами, а также с третейскими судьями, в честь которых тоже принимались декреты) могла повлиять и на единую форму декретов в честь эвергетов – этот тип декретов не посылался в виде копий в другие полисы, но всё же единство лексики в них присутствует.

По мнению Т.В. Блаватской, в псефизмах в честь врачей перечислятся такие качества врача, которые были взяты из специальной медицинской литературы – полисные магистраты вряд ли знали такую литературу, так что скорее всего медики сами указывали властям, какие качества нужно отметить¹⁰¹.

⁹⁹ Peek W. Griechische Inschriften, N 23. Цит. по: Блаватская Т.В. Из истории интеллигенции эллинистического времени / М, 1983. С. 167.

¹⁰⁰ Тарн В. Эллинистическая цивилизация. С. 96.

¹⁰¹ Блаватская Т.В. Из истории интеллигенции... С. 163-164.

Обилие декретов в честь медиков на Косе связано с тем, что остров был с древности связан с медициной – здесь находился Асклепейон, где больные получали помощь от жрецов, здесь проживал род Асклепиадов – врачей, возводивших своё происхождение к Асклепию. На рубеже V-IV вв. до н.э. авторитет косской медицины возрос в особенности благодаря деятельности знаменитого Гиппократу, который написал ряд трактатов, лёгших в основу медицинской науки. Не все сочинения «Гиппократова корпуса» были написаны им самим, однако даже не принадлежащие его авторству труды были написаны учениками или другими представителями школы на основании принципов, заложенных великим учителем. Косская медицинская школа создала свою этическую философию, в которой был описан моральный образ врача. Этому посвящены следующие сочинения «Гиппократова корпуса»: «Клятва», «Закон», «О враче», «О благопристойном поведении», «Наставления».

В почётных декретах в честь врачей косской и других школ зачастую бывают приведены их биографии, подобно декретам в честь эвергетов (хотя, разумеется, не столь подробно как в надписях в честь Мосхиона или Аполлония).

Яркий пример самоотверженной работы врача представляет нам декрет одной из косских общин в честь Ксенотима, сына Филоксена (IG XII⁴, 1, 30). В надписи говорится о том, что он спас многих больных, в том числе и заболевших врачей, которые находились на государственной службе (стк. 5-9). Как отмечает Т.В. Блаватская, это была эпидемия, вызванная тем, что на Кос для лечения прибывало множество больных – это неблагоприятно сказалось на эпидемиологической обстановке. И Ксенотим явил немалое мужество – даже когда болезнь сразила немалую часть медиков, оказавшихся

неспособными спасти даже самих себя, он не побоялся лечить их, рискуя заразиться¹⁰².

Интересный пример профессиональной преемственности содержится в двух надписях. В XLI номере «Supplementum Epigraphicum Graecum», посвящённом находкам 1991 года, был издан большой и содержательный декрет общины Халасарны (одного из полисов острова Кос) в честь медика Онасандра, сына Онисима, датируемый II в. до н.э. (SEG XLI, 680). В начале декрета было сказано, что он учился у врача Антипатра, сына Диоскурида. По всей видимости, Онасандр сам не происходил из династии медиков (стк. 4-5). В то время была распространена практика, когда сын врача наследовал профессию отца. Но всё же этого не хватало для пополнения медицинских кадров, так что было достаточно и учеников из не связанных с медициной семейств¹⁰³. В следующем десятилетии был издан LIV том SEG, с находками 2004 года, в котором был издан декрет Халасарны в честь врача Антипатра, сына Диоскурида, датируемый первой половиной II в. до н.э. (SEG LIV, 749). Без сомнения, речь в нём идёт об учителе Онасандра. Декрет в честь Антипатра краток, зато из пространныго декрета в честь Онасандра мы узнаём, что Антипатр был государственным медиком, то есть лечил граждан, получая плату от полисных властей. При этом, как указано в надписи, Онасандр ему помогал в работе, будучи уже сам квалифицированным врачом. Интересную подробность указывают издатели надписи в честь Антипатра – в монографии немецкого филолога Феофила Клее, посвящённой гимническим агонам и греческим праздникам, есть надпись в честь победителей мусических агонов в честь Асклепия. Среди победителей указан «кифаред Диоскурид, сын Антипатра»¹⁰⁴. Издатели LIV тома SEG считают, что речь в надписи идёт о сыне доктора Антипатра, не об отце. Этот эпизод интересен тем, что соотносится с практикой, на которую указывает П. Шольц

¹⁰² Там же. С. 138.

¹⁰³ Там же. С. 107, 119-121.

¹⁰⁴ Klee T. Zur Geschichte der gymnischen Agone an griechischen Festen. Leipzig, Berlin, 1918. S. 14.

– сыновья полисной знати зачастую выступали на мусических агонах, это была такая культурная традиция элиты¹⁰⁵. Тот факт что сын врача принимал участие (и причём успешно) в связанном с элитарной культурой мероприятии, наводит на мысль о том, что эллинистические медики (особенно происходящие из профессиональных династий) обладали элитарным самосознанием.

В XXXIII томе SEG содержатся три косские надписи в честь Кафисофона, сына Филиппа, датируемые первой половиной III в. до н.э. (SEG XXXIII, 670-672). В двух из них говорится о том, что он был медиком при дворе царя Птолемея. По всей видимости он лично лечил царя, поскольку был заметной фигурой при дворе – в одной из надписей сказано, что он помогал прибывавшим с Коса послам, то есть оказывал поддержку родной гражданской общине (SEG XXXIII, 672, 15-16).

Очень интересен декрет одного из ионийских полисов (не сохранилось начало, где традиционно указывается Совет и Народ какого полиса приняли псефизму, но диалект надписи идентифицируется как ионийский) в честь косского врача Гиппократ, сына Фессала, датируемый рубежом примерно 200 г. до н.э. (SEG XXVII, 514). Учитывая то, что сына знаменитого Гиппократ звали Фессалом, и исходя из греческой традиции называть внука в честь деда, можно в уверенность говорить о том что перед нами потомок той самой великой династии медиков. Надпись была издана была немецким филологом Йостом Бендумом. Исследователь затрудняется ответить, какой это по счёту потомок Гиппократ (который в генеалогии, приводимой Иоанном Цецем, является Гиппократом Вторым), но скорее всего речь идёт о пятом или седьмом поколении потомков Гиппократ

¹⁰⁵ Scholz P. Die «Macht der Wenigen» in den hellenistischen Städten // Historische Zeitschrift. Bd. 47. München, 2008. S. 81.

Второго. Возможно, это потомок Гиппократ Третьего, возглавившего косскую школу врачей после Полиба, зятя Гиппократ Второго¹⁰⁶.

Таковы сведения, которые можно извлечь биографий врачей, изложенных в почётных декретах. Теперь следует обратиться к главной теме – качествам врачей.

Первое, что бросается в глаза при изучении косских декретов в честь врачей – это повсеместное использование в надписях фразы «κατὰ τὰν τέχνην» (дорийская форма «κατὰ τὴν τέχνην»): «...ἐ[πιμέ]λειαν ἐποιεῖτο τῶν πολιτῶν κατὰ τὰν τέ[χ]νην τὰν ἰατρικάν...» («...заботу оказывал гражданам в соответствии с искусством врачевания...» – IG XII4, 1, 30, 2-4), «...κατὰ τὰν [τέχ]νην ἐμπιρίας καὶ τᾶς κατὰ τὸν βίον ἀναστρ[ο]φᾶς...» («...в соответствии с искусством опыта и образом жизни...» – SEG LIV, 749, 5-6), «...κατὰ τὰν τέχνην ἐμπειρίας καὶ τᾶς κατὰ τὸν βίον εὐταξίας...» («...сообразно с искусством опыта и воздержанностью в жизни...» – SEG XLI, 680, 11-12), «...κατὰ τὴν ἰατρικὴν τέχνην...» («...в соответствии с искусством врачевания...» – SEG XXVII, 510, 13), «...κατὰ τε τὰν τέχνην...» («...в соответствии с искусством...» – SEG XXVII, 513, 5).

Фраза «κατὰ τὴν τέχνην» может переводиться и «сообразно с мастерством» – слово τέχνη в равной степени означает и искусство, и опыт. Оно является ключевым для древнегреческих медиков – одно из сочинений гиппократического корпуса, апологетическая речь называется «Περὶ τέχνης», или «Об искусстве», под которым подразумевается медицина. То есть врачи, что естественно, высоко ставили свою профессию, считая её высоким искусством. В надписи в честь Филострата, сына Никарха медицина так прямо и называется – «ἰατρικὴ τέχνη», «врачебное искусство» (SEG XXVII, 510, 13). Учитывая второе значение слова «τέχνη» – «мастерство», «умение», принятая формула надписей «κατὰ τὴν τέχνην» свидетельствует о мастерстве,

¹⁰⁶ Bendum J. Griechische Arztinschriften aus Kos // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1977, V. 25. S. 272-274.

опыте медика, связанном с его знанием врачебного искусства. Отчётливо на использование этой фразы в значении опытности врача указывает строчка из декрета в честь Антипатра, сына Диоскурида: «...κατὰ τὰν τέχνην ἐμπειρίας...» («...в соответствии с мастерством/искусством опыта...» – SEG LIV, 749, 5). Если в остальных надписях опыт сам собой подразумевается по «τέχνη», то здесь составитель декрета счёл нужным акцентировать внимание на опытности медика. И это совершенно естественно для такой науки как медицина – сам Гиппократ и его преемники указывали в сочинениях на бесполезность теоретического знания без практики во врачебном деле (Hippocr. De habitu, IV; Praecepta, II; Lex, I).

Другое важное качество врача – это *προθυμία*, рвение. В декретах в честь Ксенотима и Онасандра трижды встречается наречие «πρόθυμον» (IG XII,4, 1, 30, 4; SEG XLI, 680, 21), особенно интересна характеристика Онасандра: «...πολὺ πρόθυμότερον ἔ[αυ]τὸν παρέχεται ἐς τὸς δαμότας...» (SEG XLI, 680, 43). В ней сказано что Онасандр держит себя наготове «со многим рвением» («πρόθυμότερον» – это наречие в сравнительной степени, так что дословно перевести его невозможно). Понятие *προθυμία* характерно для почётных декретов в честь эвергетов, которое мы с вами неоднократно уже встречали (в декретах в честь Диокла, Фания, Менаса, Мосхиона). Оно не часто употреблялось по отношению к эвергетам, равно как и в декретах в честь врачей это понятие встречается не всегда (например, отсутствует в надписях в честь Диоскурида и Гиппократа). В декрете в честь Онасандра оно дважды сопровождается синонимом *ἐκτένεια* («...πάντων ἐκτενῆ καὶ πρόθυμον...» – SEG XLI, 680, 21; 34). Эта формула встречается и в честь милетского врача Аполлония, сына Гиерокла, представителя другой школы (IG XII,5 824, 8). Несмотря на то, что это синонимичные понятия, обозначающие рвение, употребление их в двуединой формуле «ἐκτενῆ καὶ πρόθυμον» свидетельствует в пользу того что каждое из понятий имело отдельный смысловой оттенок. Возможно, в данном случае на помощь может

прийти соображение А.Б. Ковельмана о том что в птолемеевских документах *προθυμία* связана с *εὐνοία*, означая «лояльность в отношении повинностей»¹⁰⁷. В контексте почётных декретов в честь врачей *προθυμία* могла означать лояльность в исполнении врачебного долга. Стоит отметить, что остров Кос в ранееэллинистическую эпоху находился под властью Птолемеев, что подразумевает наличие контактов с политическим центром царства в Александрии (примером этому может служить косский врач Кафисофон, служивший лейб-медиком царя Птолемея), в результате которых лексика птолемеевских документов могла проникнуть и на Кос.

При этом заметно отсутствие близкого по понятию *σπουδή*, означающего старание (разве что в декрете в честь Ксенотима встречается глагол *σπουδάζω*). Но тем не менее употребление понятий *προθυμία* и *ἐκτένεια* показывают близость лексики двух типов почётных декретов – в честь врачей и в честь эвергетов.

Среди качеств образцового врача в декретах встречается и *εὐνοία* как отдельное качество: в декрете в честь Эвкрата, сына Хармиппа рядом с его профессиональным мастерством упоминается и лояльность полисному коллективу «...ἀρετᾶς ἔνεκα [τ]ᾶς κατὰ τὰν τέχνην καὶ εὐνοίας...» («...ради доблести и в соответствии с искусством и благосклонностью...») – SEG LIII, 844, 5). *Εὐνοία* отмечается как качество Ксенотима (IG XII4, 1, 30, 17; 23) и Гиппократата (SEG XXVII, 514, 10-11). Как уже известно из предыдущих глав, это одно из основных понятий лексики почётных декретов, берущее начало ещё в самых ранних документах этого типа. Употребление *εὐνοία* как одного из качеств врачей указывает на то, что от врача, как и от эвергета (равно как царского чиновника и царя) ожидалась лояльность, благожелательное отношение к полисной общине (выражаемое в качественном лечении больных граждан, как от эвергета ждали финансовых благодеяний).

¹⁰⁷ Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид: Массовое сознание в Римском Египте. М, 1998. С. 28.

Другое распространённое в декретах в честь эвергетов качество – ἐπιμέλεια замечено главным образом в декрете в честь Ксенотима, где оно встречается трижды («...ἐπιμέλειαν ἐποιεῖτο τῶν πολιτῶν κατὰ τὰν τέχνην τὰν ἰατρικάν...» – IG XII⁴, 1, 30, 2-4; 18; 23). Слово ἐπιμέλεια, что примечательно, имеет отношение как к лексике почётных декретов (IK Sestos 1, 48;), так и к Гиппократову корпусу (ἐπιμεληθῆναι; Hippocr. De medico, I, 6).

К ἐπιμέλεια близко качество, которое не выражалось каким-либо термином, но выражало идею, что хороший врач должен оказывать услуги. В декрете в честь Онасандра указано что он добровольно оказывал услуги (дословно – «пользу своего искусства») – «...ἀπαράκλητος παρείχετο τὰν ἀπὸ τῆς τέχνης χρεῖαν...» (SEG XLI, 680, 8-9), Кафисофон оказывал услуги обращающимся – «...ἐντυγχάνουσι χρεῖας παρείχετο...» (SEG XXXIII, 672, 6-7), Гиппократ проводил жизнь, оказывая всякую помощь и услугу – «...πᾶσα[ν βοήθειαν καὶ χρεῖαν παρεχόμενος διατε[λεῖ] ...» (SEG XXVII, 514, 2-3). В комплексе с ἐπιμέλεια эта черта составляет одно из важнейших положений врачебного искусства, сформулированное Гиппократом в его трудах – φιλάνθρωπία, или же «человеколюбие». Этот термин не употреблён в упомянутых надписях, но в одном случае он подразумевается, не будучи назван – в декрете в честь Онасандра говорится о том, что он оказывал помощь как гражданам, так и паройкам, неполноправному населению, в состав которого зачастую входили вольноотпущенники (SEG XLI, 680, 38-41). Как отмечает Т.В. Блаватская, полис нанимал общественного врача для лечения граждан – им лечение обходилось или бесплатно, или по сниженной цене, а для метеков и ксенов стоимость медицинских услуг могла быть высока¹⁰⁸. Строки, повествующие о помощи Онасандра, сына Онисима паройкам фактически иллюстрируют отрывок из «Наставлений» Гиппократа: «Если же случай представится оказать помощь чужестранцу или бедняку, то таким в особенности должно ее доставить, ибо, где любовь к

¹⁰⁸ Блаватская Т.В. Из истории интеллигенции... 134-138, 150-151.

людям (φιλανθρωπία), там и любовь к своему искусству» (Hippocr., Praecepta, VI). Отсутствие термина φιλανθρωπία в декретах в честь врачей кажется странным, однако если учитывать что в эллинистическую эпоху это качество стало выражать благодеяния царей и эвергетов по отношению к народу, то можно предположить, что по этой причине φιλανθρωπία не использовалась в почётных декретах по отношению к врачам. В лексике декретов это понятие выражало уже совсем другое значение.

Медик был частью гражданского коллектива и логично, что ему приписывались не только профессиональные качества, но и общегражданские. Гиппократ в сочинении «О враче» писал, что врач должен быть «καλὸς καὶ ἀγαθός» – «прекрасным и благородным» (Hippocr., De medico, I). То есть идеал калокагатии распространялся на врача как и на каждого гражданина. Понятие καλοκάγαθία не так часто встречается в декретах в честь врачей, но всё же такой случай зафиксирован – в декрете полиса Иасоса в честь косского врача Телевта говорится о том, что на Кос должен быть отправлен посол для того, чтобы объявить от имени благодарного полиса о калокагатии врача Телевта (SEG XXVII, 517, 35). Вместе с этим в надписи в честь Анаксиппа, сына Александра, среди его качеств упоминается хорошо нам знакомое φιλοτιμία (SEG XXVII, 513, 10). Такие качества употребляются в декретах в честь эвергетов не повсеместно, но всё же это даёт основание для предположения, что на врачей тоже распространялся элитарный идеал, выраженный в декретах в честь политической и экономической элиты полисов – эвергетов. Подтверждением тому может служить пример с сыном Антипатра – Диоскуридом, принимавшем участие в мусическом агоне, который был частью элитарной культуры.

Если подводить итог, то вырисовывается такой образ врача косской школы – муж искусный и опытный, человеколюбивый, заботливый и

ревностный, всегда готовый прийти на помощь, отвечающий элитарному идеалу калокагатии.

Анализ лексики декретов в честь врачей показывает, что она была больше связана с лексикой почётных декретов, чем с лексикой гиппократического корпуса, в котором была изложена философская концепция косской медицинской школы – понятие *φιλανθρωπία* подразумевается, но не упоминается, *ἐπιμέλεια* же помимо медицинского контекста употреблялась и в других сферах жизни. Остальные понятия – *προθυμία*, *ἐκτένεια*, *εὖνοια*, *καλοκάγαθία*, *φίλοτιμία* принадлежат лексике почётных декретов. Это ставит под сомнение предположение Т.В. Блаватской о том, что врачи подсказывали полисным властям формулировки псефизм¹⁰⁹. Скорее всего тексты постановлений писались магистратами исходя из стандартного для «мира идей почётных декретов» набора формул и понятий.

Качества образцового медика были тесным образом связаны с образом идеального гражданина в целом – множество качеств врачей совпадают с качествами эвергетов. Вместе с тем имеются и различия, связанные со спецификой медицинской деятельности. Уже «отцом медицины», Гиппократом подчёркивалось, что врач должен быть «*ἀνὴρ καλὸς καὶ ἀγαθός*», но при этом *καλοκάγαθία* врача указана лишь в одном из декретов (причём из Иасоса, а не Коса – по всей видимости там это было в традициях, в то время как косские общины *καλοκάγαθία* не указывали в своих декретах) – по всей видимости, в силу профессиональных особенностей врач ценился совсем за другие достоинства, а именно – за профессиональные умения («...κατὰ τὰν τέχνην ἐμπιρίας...» – SEG LIV, 749, 5). Медик был частью элиты – интеллектуальной, и обладал элитарными качествами – *ἀρετή* и *καλοκάγαθία*, но не эти качества выдвигались в декретах на первый план. Вместо этого, помимо профессиональных качеств, врачам приписывались

¹⁰⁹ Там же. С. 164.

προθυμία, ἐκτένεια и εὐνοία, которые являлись частью образа идеального гражданина, восходя к элитарному понятию ἀρετή, воплощавшему в себе все качества образцового гражданина.

Заключение.

Политические, социальные и экономические перемены всегда отражаются на господствующих в обществе идеях, представлениях. Это коснулось и качеств образцового гражданина, которые в совокупности составляли целостный образ – на закате классической эпохи афинские граждане почитались за добродетельное и справедливое (и вдобавок к этому – бескорыстное) исполнение магистратур. За щедрость в декретах почитались дружественные цари. В обществе были утверждены эгалитарные, коллективистские порядки – чрезмерно выраженное честолюбие считалось нежелательным для гражданина качеством. По крайней мере, это касается классических Афин – как обстояло дело в Малой Азии, сказать сложнее. В эпоху классики власть над городами Малой Азии сменялась неоднократно – афиняне, спартанцы, персидские цари. Определённо, в периоды афинского господства порядки в полисах Малой Азии были более демократическими, и в общественной жизни этих городов могли господствовать те же представления, что и в Аттике. Победа Филиппа при Херонее, завоевания Александра Македонского и последовавший за ними процесс образования новых царств полностью переменили политический и социальный (а также и экономический) уклад греческого мира. На смену господству народа пришло господство немногих – олигархии (хотя официально в полисах могла быть провозглашена демократия, в отличие от олигархий периода персидского владычества). Вместе с этими переменами эволюционировал и образ идеального гражданина – вместо честного и справедливого магистрата образцовым гражданином становится богатый эвергет, дарующий полисной общине финансовые и иные благодеяния, как в своё время их даровали афинянами боспорские цари. Причём, как отмечает У. Тарн, богатые

граждане не желали платить (государству подати), они желали дарить¹¹⁰. А это уже позиция превосходства элиты.

Родилась новая аристократия (или же возродилась старая), которой требовалось выразить свои идеалы и представления. В результате элитарные идеи нашли своё выражение в почётных декретах, которые играли ту же роль, что и архаическая поэзия, воспевавшая идеалы аристократии. В надписях, выставившихся на публичное обозрение, были изложены образцовые качества, которые ценились в эллинистическом обществе.

Качества образцового гражданина эллинистической эпохи, таким образом, являются важной темой в истории идей античного мира. Но при этом данная тема является практически не изученной. Для её раскрытия требуется изучение большого массива эпиграфики, в первую очередь почётных декретов. Первым, кто занялся этой темой напрямую, является П. Шольц. В значительной степени тему затронул С. Ламберт, хотя его работа была посвящена предэллинистическому периоду. Однако комплексного исследования всего канона положительных качеств с привлечением большого массива эпиграфики в историографии произведено не было. Целью настоящей работы было восполнение этого пробела, и вот какие выводы были сделаны мною в ходе исследовательской работы.

Центральным понятием была ἀρετή, «доблесть», всегда остававшаяся константой греческой общественной морали – это качество выражало деятельное участие гражданина в общественной жизни, совершение им деяний на благо полиса, совершённых в соревновании с другими гражданами. В лексике почётных декретов ἀρετή приобрела значение совокупности деяний (эвергетических, дипломатических, военных) на благо полисной общины и других, специфических добродетелей (благочестие, справедливость, мужество и т.д.). Стоит отметить наличие ещё двух констант

¹¹⁰ Тарн В. Эллинистическая цивилизация/ пер. с англ. С.А. Ляскового. М., 1949. С. 114-114.

эллинистической общественной морали – δικαιοσύνη, справедливость, которая имела важное значение ещё с архаических времён, и εὐνοία, расположение (лояльность), которая приобрела значение уже в эллинистическую эпоху. В эту совокупность понятий, составлявших ἀρετή гражданина, входили также благочестие, рвение и усердие, честолюбие, филантропия и др. Многие понятия взаимосвязаны друг с другом, но одно понятие не поглощает другого – каждое понятие имеет конкретное значение, может составлять парную формулу с другим. И все понятия соединяются в идеал ἀρετή. Благочестие (εὐσέβεια) и справедливость (δικαιοσύνη) образуют двуединый канон, выражающий соблюдение человеком социальных норм, порядочность, законность. С этим каноном в IV в. до н.э. было связано понятие φιλανθρωπία, человеколюбие – оно изначально означало проявление доброты к ближнему, но в эллинистическую эпоху это понятие стало означать проявление доброты вышестоящего по отношению к нижестоящим. Другая связка понятий – рвение (προθυμία) и лояльность (εὐνοία). Лояльность полисной общине проявлялась гражданином в рвении совершать благие дела для общего блага. Вместе с тем προθυμία входит в ряд понятий, выражающих идею рвения и старания – σπουδή (старание), ἐκτένεια (рвение), φιλοτιμία и φιλοδοξία (честолюбивое рвение, любовь к славе и почестям). Оба понятия, προθυμία и εὐνοία, не ограничиваются почётными декретами, их употребление широко – эти качества свойственны и царям в их отношениях с полисами.

Вместе с тем в ἀρετή помимо понятий входили и деяния, которые по отдельности не имели устоявшихся терминов, но в общем назывались εὐεργεσία, благодеяния. Они выражались в декретах чтобы проиллюстрировать, за какие заслуги гражданин был почтён. Наиболее частые и характерные – это щедрость, дипломатические успехи, военная доблесть. Деяния, как правило, подкреплялись наречием καλῶς (прекрасно), что усиливало их значимость.

Рядом с ἀρετή в системе положительных качеств находится идеал καλοκάγαθία, близкий, но не тождественный. Он выражал элитарный образ жизни, в который входили благие деяния – εὐεργεσία, а также ἀρετή и παιδεία. Уже упомянутое понятие φιλάνθρωπία, пришедшее из лексикона царских документов, подчёркивает превосходство полисной знати перед народом. Этот элитарный идеал, выраженный в почётных декретах, является частью политической мысли эллинистической эпохи – если монархическая идея выражалась в произведениях ораторов и философов, то полисная политическая мысль выразилась в эпиграфических документах, уйдя из области литературы.

Другая важная часть гражданского коллектива – интеллектуальная элита, наиболее видной частью которой являлись врачи, в текстах почётных декретов является носительницей похожих качеств. Идеалы ἀρετή и καλοκάγαθία отступают на второй план перед профессиональным мастерством врача, но лояльность полисному коллективу и рвение в совершении благих дел фигурируют в декретах в честь врачей так же как и в декретах в честь эвергетов. Кроме того врач должен был быть «ἀνὴρ καλὸς καὶ ἀγαθός» – это качество хотя и не встречается часто в декретах, тем не менее оно предписывалось врачу самим Гиппократом. Тем самым медик обладает качеством, присущем образцовому гражданину, а в эллинистическую эпоху это качество приобретает и элитарный оттенок. В целом положительные качества врачей совпадают с канонами добродетелей обычного гражданина.

Основываясь на изучении материала, возьму на себя смелость предположить, что «мир идей почётных декретов» жил своей, особой жизнью, не завися от мира философских идей. Общественная мораль, связанная с повседневной жизнью и её нуждами, породила свою философию. Хотя не стоит исключать того что «мир идей почётных декретов» и мир философской мысли могли пересекаться. Можно говорить о влиянии

аттического оратора Ликурга на идеи некоторых эллинистических декретов, в декрете в честь Аполлония, сына Аттала, встречаются намёки на влияние философии. Влияние философии и литературы на идеи и лексику почётных декретов – это тема, которую ещё предстоит исследовать.

Следует заметить, что это исследование не следует считать исчерпывающим и выводы сделанные здесь не являются окончательными. Выборка почётных декретов не является полной – в стороне осталось ещё достаточное число почётных декретов, способных добавить новые сведения к уже имеющимся. Также большую перспективу представляют собой материалы регионов Селевкидского царства (Сирия, Месопотамия, Иран), Птолемеевского Египта (где ценные сведения могут преподнести папирологические материалы), полисов Балканской Греции. Также перспективно изучение декретов в честь эвергетов, происходящих из полисов Северного Причерноморья, наиболее известным из которых является декрет в честь Протогена из Ольвии (IRE I², 32).

Список использованной литературы.

Издания античных авторов:

1. Гиппократ. Избранные книги / пер. проф. В.И. Руднева. М, 1936.
2. Исократ Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи / Изд. подготовил Э.Д. Фролов. М, 2013.
3. Aeschylus / Vol. 1. Seven Against Thebes. Ed. H.W. Smyth. London, 1926.
4. Aristotle / ed. W.D. Ross. Oxford, 1957.
5. Demosthenes / ed. S. H. Butcher. Oxford, 1903.
6. Hippocratis Indices librorum, Iusiurandum, Lex, De arte, De medico, De decente habitu, Praeceptiones, De prisca medicina, De aere locis aquis, De alimento, De liquidorum usu, De flatibus/ CMG I 1. Ed. J.L. Heiberg. Leipzig, Berlin, 1927.
7. Homer. Homeri Opera in five volumes/ Oxford, 1920.
8. Isocrates / ed. G. Norlin. London, William 1980.
9. Menander, the principal fragments/ London, 1921.
10. Plato / ed. John Burnet. Oxford, 1903.
11. Plutarch / London, 1914.
12. Polybius. Historiae / hrsg. Th. Büttner-Wobst, L. Dindorf. Leipzig, 1893-
13. Thucydides / Oxford, 1942.
14. Xenophon / Vol. 1. Oxford, 1900 (repr. 1968).
15. Xenophon / Vol. 2. Oxford, 1921 (repr. 1971).
16. Xenophon / Vol. 5. Oxford, 1920 (repr. 1969).

Издания надписей:

17. The Athenian Agora. V. 15, Inscriptions: The Athenian Councillors. Princeton, 1974.
18. Inscriptions Graecae. Vol. I-... Berolini, 1873-...

19. Dittenberger W. *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae*. Vol. 1-2. Leipzig, 1903-1905.
20. Dittenberger W. *Sylloge Inscriptionum Graecarum*. Vol. 1-4. Leipzig, 1915-1924.
21. Hiller von Gaertringen F. *Die Inschriften von Priene*. Berlin, 1906.
22. *Die Inschriften von Sestos und der thrakischen Chersones / Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien*. Bd. 19. Hrsg. J. Krauss. Bonn, 1980.
23. *Die Inschriften von Metropolis. T. 1. Die Dekrete für Apollonios: Städtische Politik unter den Attaliden und im Konflikt zwischen Aristonikos und Rom / hrsg. B. Dreyer; H. Engelmann*. München, 2003.
24. *Kolophon Inscriptions. Texts and List / The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia*. Ed. D.F. McCabe. Princeton, 1985.
25. *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*. Manchester, 1933-1962.
26. *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Leiden.
27. Tod M.N. *A Selection of Greek Historical Inscriptions*. 2-nd ed. Vol. II. Oxford, 1948.
28. Welles Ch.B. *Royal Correspondence in the Hellenistic Period*. New Haven, 1934.

Словари и справочные издания:

29. Вейсман А.Д. *Греческо-русский словарь / Репринт издания 1899*. М, 1991.
30. Дворецкий И.Х. *Древнегреческо-русский словарь / под ред. проф. С.И.Соболевского*. Т. 2. М, 1958.
31. Liddell H.G., Scott R. *A Greek-English Lexicon / Oxford*, 1996.

Научная литература:

32. Андреев Ю.В. *Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации*. СПб, 1998.
33. Блаватская Т.В. *Из истории интеллигенции эллинистического времени / М*, 1983.

34. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. / под ред. Л. Я. Жмудя. 2-е изд., испр. и перераб. СПб, 2000.
35. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Том 1 / пер. с немецкого А. И. Любжина. М, 2001.
36. Климов О.Ю. Пергамское царство: проблемы истории и государственного устройства / отв. ред. Э.Д.Фролов. СПб, 2010.
37. Климов О.Ю. Полисный строй и демократия в городах Малой Азии эпохи эллинизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. СПб, 2010.
38. Ковельман А.Б. Риторика в тени пирамид: Массовое сознание в Римском Египте. М, 1998.
39. Гарн В. Эллинистическая цивилизация / пер. с англ. С.А. Ляскового. М., 1949.
40. Утченко С. Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / под ред. В.О. Горенштейна, М.Е. Грабарь-Пассек, С.Л. Утченко. М., 1974.
41. Bendum J. Griechische Arztschriften aus Kos // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1977, V. 25.
42. Cohen G.M. The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor Hellenistic Culture and Society. Oxford, Los Angeles, 1995.
43. Derow P.S., Forrest W.G. An Inscription from Chios // The Annual of the British School at Athens. 1982. Vol. 77.
44. Dihle A. Der Kanon der zwei Tugenden. Köln, Opladen, 1968.
45. Dmitriev S. City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor. Oxford, 2005.
46. Dover K.J. Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle. Oxford, 1974.
47. Klee T. Zur Geschichte der gymnischen Agone an griechischen Festen. Leipzig, Berlin, 1918.

48. Larfeld W. Handbuch der griechischen Epigraphik. Bd. I. Leipzig, 1907.
49. Lambert S. What was the point of inscribed honorific decrees in classical Athens? // *Sociable Man: Essays on Ancient Greek Social Behaviour in Honour of Nick Fisher*. Swansea, 2011.
50. McLean B.H. An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine (323 B.C.-A.D. 337). University of Michigan Press, 2011.
51. Scholz P. Die «Macht der Wenigen» in den hellenistischen Städten // *Historische Zeitschrift*. Bd. 47. München, 2008.
52. Scholz P. Der «gute» Bürger in Lykurgs Rede gegen Leokrates // *Rollenbilder in der athenischen Demokratie*. Wiesbaden, 2009.
53. Steinwenter A. *Utilitas publica – utilitas singulorum* // *Festschrift Paul Koschaker*. Bd. I. Weimar, 1939.

Список сокращений.

Agora XV – The Athenian Agora. The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton, 1953-2013.

IG – Inscriptions Graecae. Vol. I-... Berolini, 1873-...

IK Sestos – Die Inschriften von Sestos und der thrakischen Chersones/ Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 19. Hrsg. J. Krauss. Bonn, 1980.

I. Metropolis – Die Inschriften von Metropolis. T. 1. Die Dekrete für Apollonios: Städtische Politik unter den Attaliden und im Konflikt zwischen Aristonikos und Rom / Hrsg. B. Dreyer; H. Engelmann. München, 2003.

IPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.

I. Priene – Hiller von Gaertringen F. Die Inschriften von Priene. Berlin, 1906.

Kolophon – Kolophon Inscriptions. Texts and List/ The Princeton Project on the Inscriptions of Anatolia. Ed. D.F. McCabe. Princeton, 1985.

MAMA – Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Manchester, 1933-1962.

OGIS – Dittenberger W. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol. 1-2. Leipzig, 1903-1905.

RC – Welles Ch. B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934.

SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden.

SIG I³ – Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Vol. 1-4.
Leipzig, 1915- 1924.